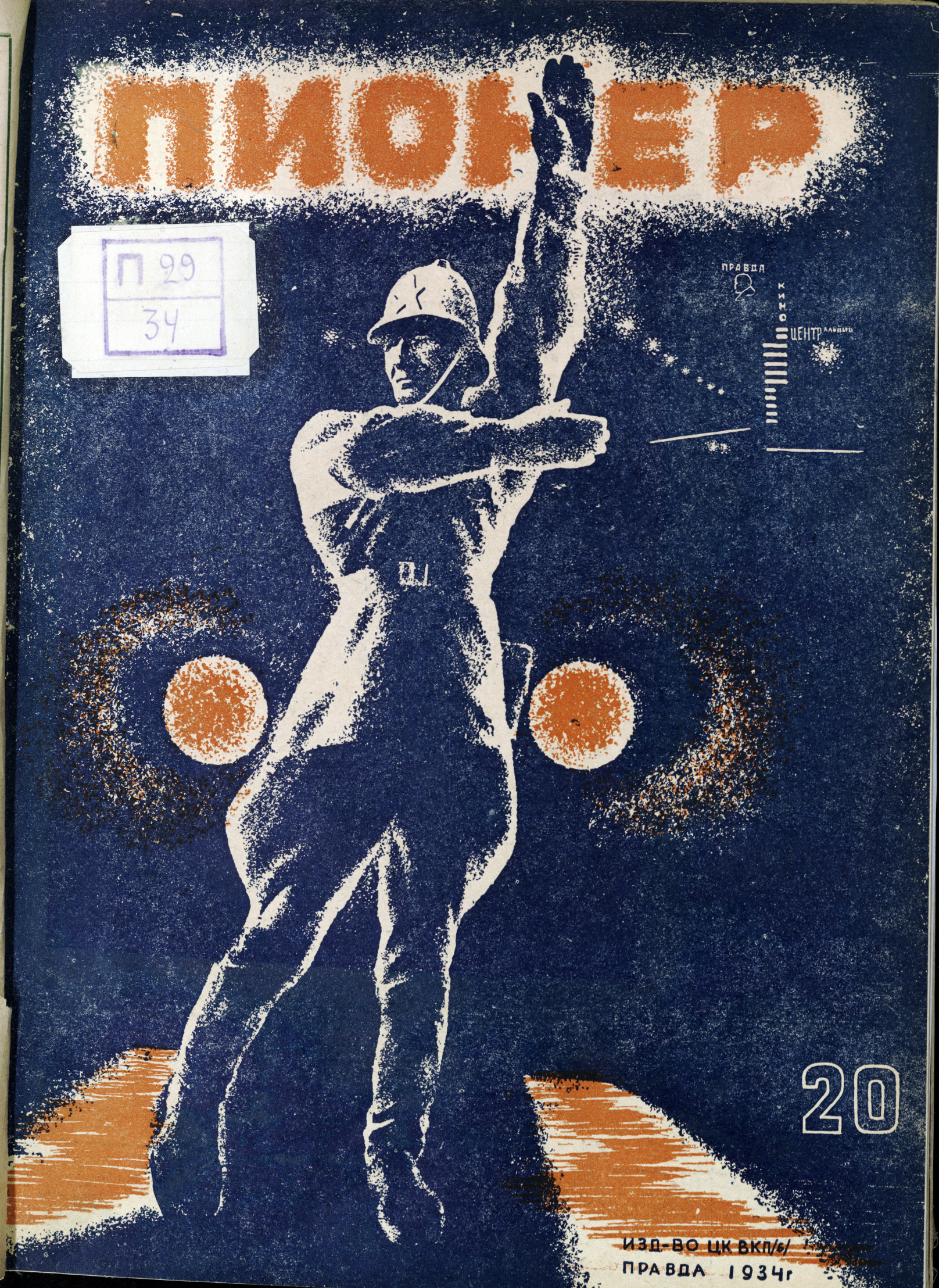
ПИОНЕР

П 29
34

ПРАВДА
КИНО ЦЕНТР



20

ИЗД-ВО ЦК ВКП/б/
ПРАВДА 1934г

К борьбе за рабочее дело будь готов!

ПИОНЕР

№ 20

Октябрь 1934

Орган ЦБ детской коммунистической организации им. Ленина при ЦК ВЛКСМ.
Адрес ред.: ул. Горького 8. Тел. 5-60-76.

Победа Советского союза в борьбе за мир

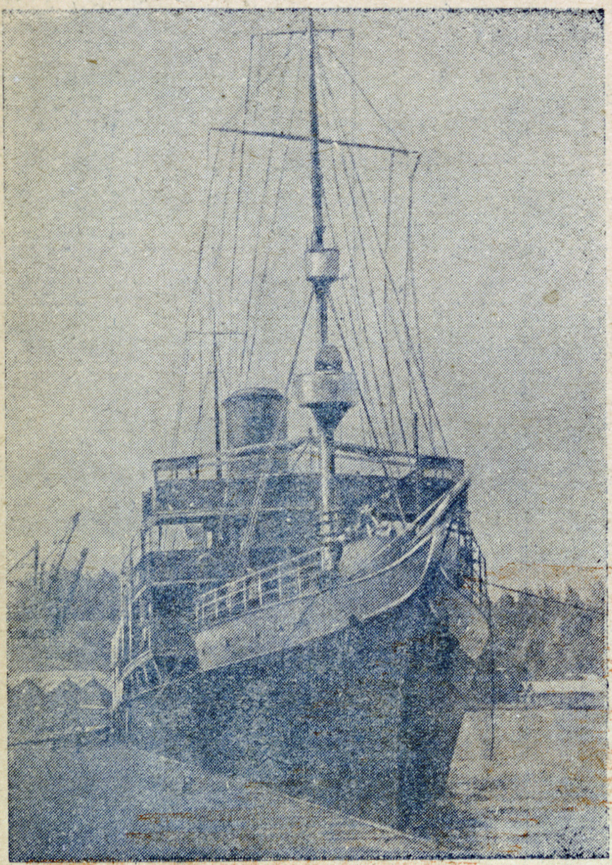
Максим Максимович улыбается, плачут другие

На обоих снимках снят один и тот же человек — это Максим Максимович Литвинов, народный комиссар по иностранным делам, старый большевик.

Слева его портрет, когда он был молодым. Звали его тогда «папаша». Это была его подпольная партийная кличка. Правый снимок сделан совсем недавно, на ассамблее (с'езде) Лиги наций (союза государств), куда недавно вступил Советский союз, чтобы еще успешнее бороться за мир и добиться, чтобы Лига наций лучше боролась за дело мира. Некоторые буржуазные государства, готовящие войну, например Германия, Япония, пытались помешать СССР вступить в Лигу наций. Во время ужина в честь принятия СССР в Лигу Максим Максимович шутя сказал:

— Меня здесь сравнили с только что появившимся на свет ребенком, имея в виду, что СССР является новым членом Лиги наций. Но в отличие от новорожденных ребят я, как видите, не плачу, а улыбаюсь. Плачут другие.

Корабль-победитель



Этот корабль — ледорез «Литке». Три месяца провел он в борьбе с полярными льдами и поборол льды. «Литке» первый из всех кораблей в одно лето прошел Великий северный морской путь с востока на запад.

Этот славный поход — не первый подвиг «Литке». Еще в 1929 г. он пробился на остров Врангеля и снял зимовщиков, проживших там 5 лет. На обратном пути «Литке» чуть не погиб. Льды и штормы изранили борта ледореза, и во Владивостоке он стал на ремонт. Но не успели отремонтировать «Литке», как на севере случилось несчастье: у берегов Чукотки льды затерли пароход «Ставрополь», и «Литке» снова сквозь штормы и льды пошел выручать его команду и пассажиров.

За эти походы команда «Литке» была награждена орденом Красного знамени.

Но, для того чтобы победить полярные моря, мало иметь хороший корабль. Для этого нужны смелые, сильные люди. Таких людей сумел подобрать и сорганизовать в дружный коллектив начальник экспедиции «Литке» стойкий большевик тов. Дуплицкий.

В походе этим коллективом командовал опытный полярный капитан Николаев.

А ближайший друг и помощник Отто Юльевича Шмидта профессор Визе, который много лет изучает полярные моря, помогал капитану находить путь среди льдов и вел научные работы, для того чтобы облегчить будущие походы Великим северным морским путем.

П 349
П 29
34

М. Ю. ЛЕРМОНТОВ

Г.П.Б. в Лнгр.
Ц. 1934 г.
Акт № 744

(Сто двадцать лет со дня рождения)

ВАЛЕРИК

Рано утром 6 июля 1840 г. отряд генерала Галафеева снялся с лагеря под крепостью Грозной и двинулся в Малую Чечню для усмирения горцев, примкнувших к Шамилю.

Шамиль с кораном и оружием в руках давно уже призывал народы Кавказа к священной войне против русских за независимость Кавказа. Произвол русских приставов, управлявших аулами горцев, насильственные сборы податей, попытки отобрать оружие у чеченцев—все это волновало Чечню, и в мае 1840 г. она целиком присоединилась к Шамилю. Аулы опустели. Чеченцы ушли в глухие леса. Для усмирения их и двинулся отряд Галафеева.

Конной командой охотников—самой отчаянной в отряде Галафеева—командовал поручик Лермонтов, вторично сосланный из Петербурга на Кавказ за дуэль с сыном французского посла Эрнестом Барантом. В красной канаусовой рубахе, в военном сюртуке без эполет, в косматой бурке он ехал на белом коне, а за ним следовала «шайка грязных головорезов», как называли команду Лермонтова аристократы - офицеры. Команда состояла из татар, кабардинцев, казаков—бесстрашных удальцов, считавших войну своим ремеслом. Они презирали огнестрельное оружие и резались кинжалами и шашками в лихих схватках с горцами. Лермонтов ел с ними из одного котла и спал, как они, на голой земле, накрывшись буркой.

Выжигая поля и аулы восставших чеченцев, отряд Галафеева на заре 11 июля вошел

Перестрелка в горах Кавказа.

С картины М. Ю. Лермонтова.

в густой Гехинский лес и через некоторое время вышел на поляну. Впереди виднелся Валерик—«речка смерти», протекавшая по краю поляны в глубоких отвесных берегах. Правый берег, обращенный к отряду, был совершенно открыт, а на левом берегу шумел лес. Место опасное. Лукавые горцы на том берегу могли устроить завалы, укрыться как в крепости, защищенной глубоким рвом-речкой.

Артиллерия пустила несколько гранат по опасному месту. Но напрасные опасения! Ни одного ответного выстрела. Решено было сделать привал. Но едва сняли пушки с передков, как чеченцы со всех сторон открыли убийственный огонь. Отряд двинулся на выстрелы и остановился перед отвесными берегами речки и срубами за речкой, из-за которых роем летели меткие чеченские пули. Стрелять в чеченцев, укрытых бревнами толщиною в аршин, бесполезно. Кинулись в штурм через речку, ворвались в завалы чеченцев. Началась кровавая резня в лесу на завалах и в речке. Резались несколько часов. Чеченцы отступили и рассеялись по лесу.

Через три месяца генерал Галафеев послал высшему начальству донесение о том, что «Тенгинского пехотного полка поручик Лермонтов во время штурма неприятельских завалов на реке Валерике несмотря на величайшие опасности исполнял возложенное на него поручение с отличным мужеством и хладнокровием и с первыми рядами храбрейших ворвался в неприятельские завалы».

За дело под Валериком Лермонтов был представлен начальством к высокой награде, но в Петербурге поэту-вольнодумцу отказали в награде.

В том же году, осенью, Лермонтов написал стихи, в которых без прикрас и точно описал один из эпизодов покорения Кавказа — резню при Валерике. Вот отрывок из этих стихов.

Кругом белеются палатки;
Казачьи тощие лошадки
Стоят рядком, повеся нос;
У медных пушек спит прислуга;
Едва дымятся фитили;
Попарно цепь стоит вдали,
Штыки горят под солнцем юга.
Вот — разговор о старине
В палатке ближней слышен мне:
Как при Ермолове ходили
В Чечню, в Аравию, к горам,
Как там дрались, как мы их били,
Как доставалося и нам,
И вижу я: неподалеку,
У речки, следуя пророку,
Мирной татарин свой намаз
Творит, не подымая глаз;
И вот кружком сидят другие.
Люблю я цвет их желтых лиц,
Подобный цвету воговиц,
Их шапки, рукава худые,
Их томный и лукавый взор
И их гортанный разговор.

Чу!—дальний выстрел... Прожужжала
Шальная пуля... славный звук!..
Вот крик — и снова все вокруг
Затихло... Но жара уж спала;
Ведут коней на водопой,
Зашевелилася пехота;
Вот проскакал один, другой...
Шум, говор... «Где вторая рота?»
«Что вьючить?» «Что же капитан?»
«Повозки выдвигайте живо!»
«Савельич!..» — «Ой ли?»—«Дай огниво!»
Под'ем ударил барабан;
Гудит музыка полковая;
Между колоннами в'езжая,
Звенят орудья; генерал
Вперед со свитой поскакал;
Рассыпались в широком поле,
Как пчелы, с гиком казаки;
Уж показалися значки
Там, на опушке — два и боле;
А вот в чалме один мюрид
В черкеске красной ездит важно,
Конь светлосерый весь кипит;
Он машет, кличет... Где отважный?
Кто выйдет с ним на смертный бой?
Сейчас... Смотрите: в шапке черной
Казак пустился гребенской,
Винтовку выхватил проворно,
Уж близко... выстрел... легкий дым...
«Эй, вы, станичники, за ним!..»
«Что? Ранен?» «Ничего, безделка!» —
И завязалась перестрелка.

Но в этих сшибках удалых
Забавы много, толку мало.
Прохладным вечером, бывало,
Мы любовалися на них
Без кровожадного волненья,
Как на трагический балет;
Зато видал я представленья,
Каких у вас на сцене нет...
Раз — это было под Гехами —
Мы проходили темный лес;
Огнем дыша, пылал над нами

Лазурно-яркий свод небес.
Нам был обещан бой жестокой.
Из гор Ичкерии далекой
Уже в Чечню на бранный зов
Толпы стекались удальцов.
Над допотопными лесами
Мелькали маяки кругом,
И дым их то вился столбом,
То расстилался облаками;
И оживилися леса:
Скликались дико голоса
Под их зелеными шатрами...
Едва лишь выбрался обоз
В поляну — дело началось.

Чу! В арьергард оружье просят;
Вот ружья из кустов выносят,
Вот тащат за ноги людей
И кличут громко лекарей...
И вот из лесу, из опушки,
Вдруг с гиком кинулись на пушки...
И градом пуль с вершин дерев
Отряд осыпан... Впереди же
Все тихо... Там, между кустов,
Бежал поток; подходим ближе;
Пустили несколько гранат;
Еще подвинулись... молчат!
Но вот над бревнами завала
Ружье как будто заблистало,
Потом мелькнуло шапки две —
И вновь все спряталось в траве,
То было грозное молчанье!..
Недолго длилося оно,
Но в этом страшном ожиданье
Забилось сердце не одно...
Вдруг залп... глядим: лежат рядами...
Что нужды? — Здешние полки
Народ испытанный... «В штыки!..
Дружнее!» — раздалось за нами.
Кровь загорелася в груди!
Все офицеры впереди...
Верхом помчался на завалы,
Кто не успел спрыгнуть с коня.
«Ура!»—и смолкло.—«Вон кинжалы!..
В приклады!»... И пошла резня.
И два часа в струях потока
Бой длился; резались жестоко,
Как звери, молча, с грудью грудь...
Ручей телами запрудили.
Хотел воды я зачерпнуть
(И зной и битва утомили
Меня), — но мутная волна
Была тепла, была красна...

На берегу под тенью дуба,
Пройдя завалов первый ряд,
Стоял кружок. Один солдат

Рисунок Лермонтова.

Был на коленях; мрачно, грубо
Казалось выраженье лиц,
Но слезы капали с ресниц,
Покрытых пылью. На шинели,
Спиною к дереву, лежал
Их капитан. Он умирал;
В груди его едва чернели
Две ранки; кровь его чуть-чуть
Сочилась; но высоко грудь
И трудно подымалась; взоры
Бродили страшно. Он шептал:
«Спасите, братцы!.. Тащат в горы!..
Постойте!... Где же генерал?..
Не слышу...» Долго он стонал,
Но все слабей, и понемногу
Затих — и душу отдал богу.
На ружья опершись, кругом
Стояли усачи седые
И тихо плакали... Потом
Его останки боевые
Накрыли бережно плащом
И понесли... Тоской томимый,
Им вслед смотрел я, недвижимый.
Уже затихло все: тела
Стащили в кучу... Кровь текла
Струею дымной по каменьям;
Ее тяжелым испареньем
Был полон воздух. Генерал
Сидел в тени на барабане
И донесенья принимал.

Окрестный лес, как бы в тумане,
Синел в дыму пороховом;
А там вдали — грядой нестройной,
Но вечно гордой и спокойной,
В своем наряде снеговом
Тянулись горы, и Казбек
Сверкал главой остроконечной.
И с грустью тайной и сердечной
Я думал: жалкий человек...
Чего он хочет?... Небо ясно;
Под небом места много всем;
Но беспрестанно и напрасно
Один враждует он... Зачем?
Галуб прервал мое мечтанье,

Ударив по плечу, — он был
Кунак мой. Я его спросил,
Как месту этому названье?
Он отвечал мне «*Валерик* —
А перевесть на ваш язык,
Так будет — речка смерти; верно
Дано старинными людьми!»
«А сколько их дралось, примерно,
Сегодня?» «Тысяч до семи».
«А много горцы потеряли?»
«Как знать! зачем вы не считали?»
«Да, будет», — кто-то тут сказал, —
Им в память этот день кровавый».
Чеченец посмотрел лукаво
И головою покачал...

Но я боюсь вам наскучить
В забавах света вам смешны
Тревоги дикие войны;
Свой ум вы не привыкли мучить
Тяжелой думой о конце;
На вашем молодом лице
Следов заботы и печали
Не отыскать, и вы едва ли
Вблизи когда-нибудь видали,
Как умирают... Дай вам бог
И не видать!.. Иных тревог
Довольно есть. В самозабвеньи
Не лучше ль кончить жизни путь
И беспробудным сном заснуть
С мечтой о близком пробужденьи?
Теперь прощайте! Если вас
Мой безыскусственный рассказ
Развеселит, займет хоть малость —
Я буду счастлив; а не так, —
Простите мне его, как шалость,
И тихо молвите: «Чудак!».

ЭРИК НЕУЛОВИМЫЙ

В. Бианки **Рис. В. Пестель**

Все всполошились. Ужасное дело: кто-то пулей убил наповал епископа Олауса. Епископ с порога своего дома благословлял мирян и вдруг — хлоп навзничь. Никто не слышал выстрела, думали, что удар хватил старика. Но вот оказалось — пуля. Знать издалека. Знать меткая рука у стрелка. Пробило грудь навылет, и рана глядела прямо в лес.

Ночью вся округа не спала и в домах шептались. А шептались по-шведски, потому что это было в Швеции. И было это триста лет назад. Шептались о том, что вот глава всей округи, богач, владыка и вот гляди ты... Поймают его? А кто он? Тут уж стали говорить прямо губами в ухо, до того всем страшно стало, что губы их могут назвать имя убийцы епископа. Но уж сказавши имя, говорили громче. Да, а мы думали: он погиб. Пять лет уже не слыхать было. Ловко! Да изловчишься, коли тебе загонят на тот свет жену с пятерыми ребятами. А за что? Сказал епископу не по шерсти. А епископ-то будто и не приметил, а, однако, раздавил его как орех каблуком: ведь все в его руках: и земля и власть. Нет, только поймают его, непременно поймают и уж такое ему сделают. И мороз людей подирал по коже, когда думали, что будут с убийцей делать на площади, когда поймают и засудят.

Так всю ночь и не спали.

На утро уж всюду шныряли сыщики, одетые под крестьян. Говорили, что начальника полиции вызывали к королю. Сыщики выспрашивали крестьян, таскали их к начальству, пугали, кой-кого избили, но никто ничего не знал. Однако все же стало известно, что ходит человек здесь среди хуторов, просит хлеба, дает в обмен дичь — охотник. А где он живет, никто не знает. Начальник полиции смекнул: нигде не живет и ходит с ружьем. Ага! Да не тот ли это охотник и стрелок, который пять лет назад сжег свой дом и исчез, как сгинул. На него еще указывал епископ как на смутьяна и намекнул, чтоб нажать. Нажал, верно, здорово нажал тогда начальник полиции. А епископ все молчал, будто еще не довольно. Жену и детей этого охотника переморил голодом начальник. Наконец, и смутьян сгинул. Да, как его звали? И начальник вспомнил: Эрик. Теперь король велел о каждом шаге поисков сообщать. Через день начальник полиции Онструй донес:

«В каждой деревне округа помещен небольшой отряд. Он спрятан тайно от крестьян. Сыщик даст сигнал, когда неизвестный придет за хлебом. Полагаю, что это Эрик-охотник, и уповаю, что он будет к воскресенью в наших руках».

В субботу новое донесение:

«Преступник появился в деревне Гюне, конный отряд оцепил все селение. Преступник улизнул, но конные преследуют его по следам, которые ясно видны».

★

Онструй послал донесение и сейчас сам понесся верхом туда, где ловили преступника. Он нагнал отряд у опушки леса. Всадники спешились и недоуменно топтались.

— Ну чего стали?—еще издали заорал Онструй. Старший конный молча показал на следы.

— Ну! — крикнул Онструй и дернул коня за повод.

А конный показывал дальше: следы уходили в лес, они пересекались следами диких зверей и вдруг обрывались. Следов человечьих нот не было больше. И все это на полянке, среди леса, вблизи не было дерева: не подняли же его ангелы на воздух.

— По верхам глядеть! — в ярости закричал Онструй. — Пали по всем деревьям, может быть, он слетит оттуда как тетерев.

Пошла пальба. В селе все, подняв брови, прислушивались: это его настигли, это с ним перестрелка. Ух, как жарят!

Но конные вернулись порожнем. Онструй бил коня и тискал в бока шпоры. Ведь во дворце ждут с часу на час гонца с донесением о поимке. Ах, чорт! Онструй готов был схватить первого встречного мужика и волочить его в острог: а пусть отнекивается, как возьму в работу, — самим чортом себя признает. «Тьфу! — остановил мысли Онструй. — Да, не чорт ли ему помогает — этому Эрику?»

Онструй круто свернул коня прямо к настилу, где рядом в домике жил знакомый поп. Очень ученый человек. Онструй так теперь боялся, он чувствовал, как нарастает во дворце нетерпение после его последней депеши: наверное, уж у него на дому королевский посол. Онструй дал себе клятву не возвращаться домой, пока не поймает этого Эрика.

— Нас не может поймать вся твоя свора ищеек. Вот они—дьяволы, что возят нас.

Запыхавшись, он говорил попу про свою досаду, но забыл даже шляпу снять в поповом доме. Поп не мог отказать в совете. Он прихватил с собой еще двух попов, и все вчетвером с Онструй на конях отправились к лесу. Навстречу бежали сыщики:

—Опять, опять! — кричали они Онструй впопыхах. — Его обложили теперь со всех сторон, его загоняют в болото. Он может потонуть там, и у нас не будет, кого представить, господин начальник.

Но Онструй уже соображал: преступник попадет в болото, а кого представить, мы найдем. Онструй повеселел и поскакал, бросив попов на дороге.

Но в лесу оказалось вот что: следы человека кончались ровно там, где начиналось топкое место, и оттуда шли следы—вот какие следы, пусть рассмотрит сам начальник, они ведут прямо в болото.

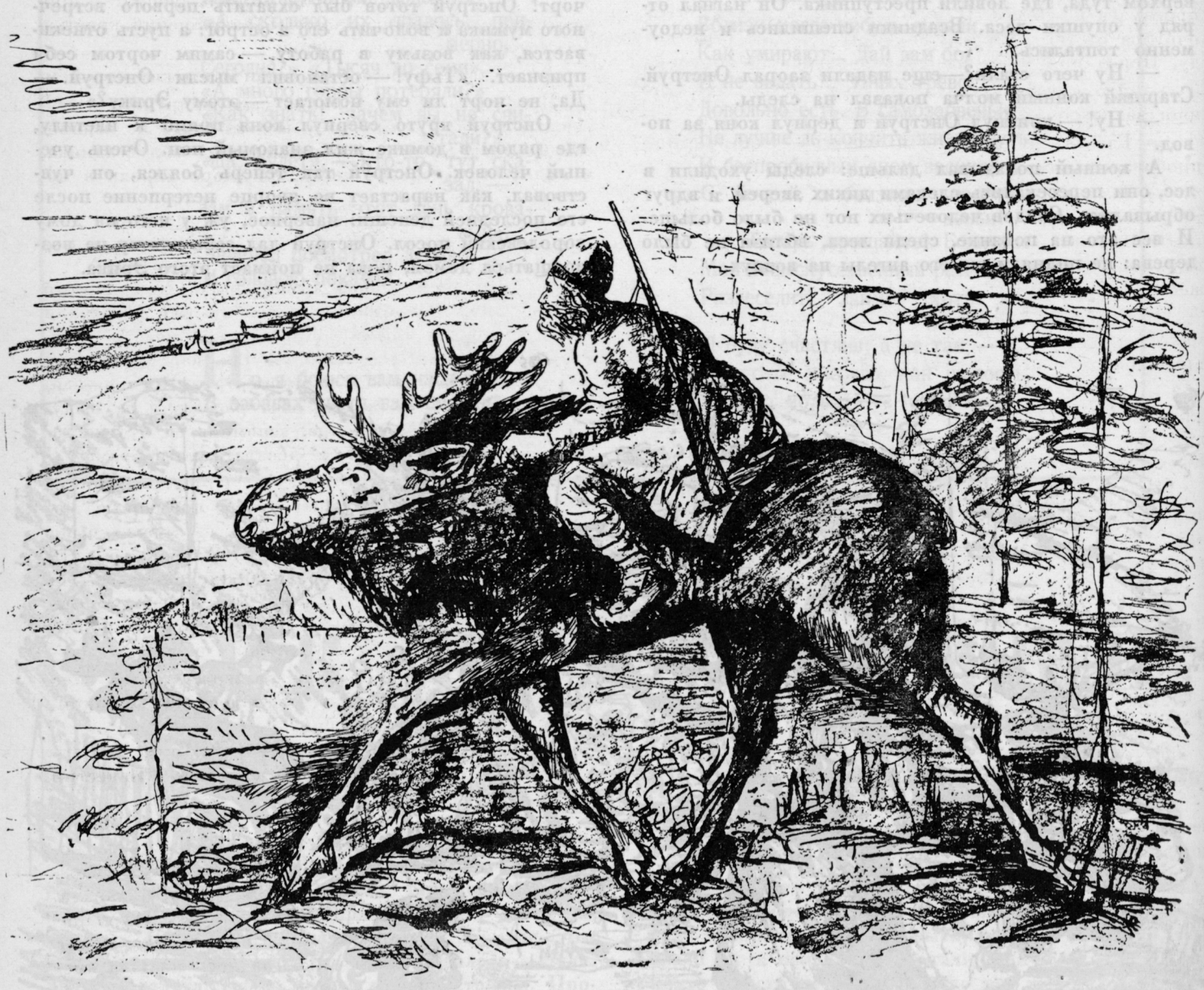
Да, следы раздвоенных острых копыт. Но это не следы коров, острее коровьих, и не козьи — гораздо больше. Попы, попы разберут, они ученые. Подоспели наконец и попы. Они осматривали следы, совсем пригибались к земле. Потом совещались по-латыни. И наконец вынесли решение:

— Vestigia Asmodei.

Онструй просил сказать толком.

— Дьяволовы это следы, — шопотом на ухо сказал поп Онструй. — Он садится на дьявола и смело ездит по болоту.

— Вы напишите об этом королю, дорогой отец,— молил Онструй.



Первый из людей, я догадался приручить и об'ездить лося.

— Нет, о таком нечистом деле я и говорить-то не хочу: грешно, а писать его величеству... — поп грозно надулся. — И потом тут очень много комаров, — он упрятал руки в широкие рукава.— Братья, — обернулся он к своим товарищам, — мы вернемся другим путем, ибо сказано, не ходите путями нечестивых, а это путь самого князя тьмы, — он ткнул в следы копыт. — Проводите нас!—крикнул он стражникам.

А стражники уже шептались. Они были в тревоге, им уже шепнул поп, чьи это следы; лучше уж были бы следы сотни медведей чем свежие следы самого дьявола. Онструй не успел опомниться как и поп и стражники уж ломились через рощу прочь от этого места.

★

Онструй решил умереть: другого выхода не было. Но он напоследок все проверит сам. Он один, без этой своры. А пулю пустить себе в сердце — это минутное дело. Он проследил следы человека, да все равно: тут они кончаются, и начинаются следы... чорт возьми, чьи же? Онструй опустился на колени. Он не слышал, как кусали его комары и мошки. Он пригнулся к следам. И вдруг не стало ничего. Он очнулся от того, что ему лили на лоб холодную воду. Перед ним мужчина, сильно заросший бородой.

— Это я тебя стукнул дубиной по затылку. Не ищи за поясом, вот они, твои пистолеты.

— Где я? И что это за люди? — Онструй попробовал нахмуриться.

— Ты на острове, среди болота. Я Эрик, которого, знаешь, крестьяне зовут Неуловимый. А это другие Неуловимые. Да не считай, не все тут. Ну, что скажешь? Молчишь? Ну, мне-то ты ничего не скажешь, а вот королю, что ты скажешь?

Онструй, как ни был бледен, покраснел. Потом он махнул рукой и закрыл глаза. Но через секунду он привскочил, точно его ткнули шилом.

— Да, чорт возьми, раньше чем убить меня, скажите мне, лешие вы проклятые, как вы сюда попали? Кто из дьяволов держит тут для вас перевоз? Кому вы души продали?

Все кругом хохотали. Эти люди были вооружены, хорошо одеты, насколько можно было видеть при свете костра. Какой-то рыжий бородач вертел на вертеле над костром изрядный кусок мяса.

— Вон погляди, — сказал Эрик. — Вон они дьяволы, что возят нас и через горы, и через непролазные чащи, и через болота, туда, куда только одной птице есть дорога, а не вашей королевской армии. Нас не может поймать вся твоя свора ищеек. Вот они — дьяволы.

Эрик подвел Онструй к каким-то стойлам из сучьев, веток и кольев. В них стояли лоси.

— Лучшая лошадь на свете,—продолжал Эрик,— не угоняется за добрым лосем. Первый из людей, я догадался приручить и об'ездить лося. Я впрягаю его в сани и езжу на нем верхом. Попробуй, сделай это ты. Я теперь сильный, сильнее всех вас, потому что могу выследить, догнать и убить любого из вас, как выследил сегодня тебя по пятам. А вы меня найти не можете, потому что сегодня я здесь, завтра там, в таких местах, где вы против меня бессильны. Вот эти все славные парни, что здесь собрались, каждый из них отомстил помещику, или купцу, или полицейскому, который довел его до отчаяния. Ты королевский холуй, всех бы их рад схватить и предать палачу. Только руки твои коротки. Мои рогатые кони умчат их в такие места, какие тебе и не снились. Нас еще мало. Но страх перед полицией, на которой держится вся ваша власть, мы разрушаем быстро. Уже сейчас по деревням смеются над твоим бессилием. Втихомолку пока. Но дай срок: нас будет не двадцать, а тысячи, будет целая армия на лосях— и тогда ваша песенка спета. Поди и скажи это тем, кто тебя послал сюда.

— Мне некуда идти, — сказал Онструй. — С какими глазами вернусь я к королю? Самое лучшее, если меня посадят в клетку и будут возить по всей стране на позор. И все равно потом снимут голову. Убейте меня сами или оставьте в плену.

— Пиши, — сказал Эрик, — пиши королю, письмо твое передадут, будь уверен.

Онструй устроили у костра. Он уселся писать. Он собрал все свои бедные мысли.

— А мне лучше написать,— сказал он через минуту,—что вы ездите на дьяволах, все же мне не столько позору. Да и за вами погоня ослабнет.

Но все же деревенские люди опознали следы лосей, и слух дошел до короля. Король решил: — провести государственный закон о запрещении крестьянам приручать диких зверей.

Такой закон вскоре был издан шведским королем.

Пробовала потом полиция сама приручать и об'езжать лосей. Но ничего у нее из этого не вышло: старые лоси сейчас же сбрасывали с себя всадника, молодые приручались легко, но скоро хирели в неволе и умирали.

★

Тем временем лесная армия Эрика Неуловимого быстро росла. Полицию в деревнях уже встречали открытыми насмешками. Королевская власть шаталась. И, наверно, все было бы так, как предсказал начальнику королевской полиции Эрик Неуловимый, если бы его самого и весь этот рассказ я не выдумал сам от начала до конца, вспомнив то, что когда-то прочел в третьей книжке десятитомного Брэма.

Вот эти строки:

«Говорят, что в Швеции лосей, пойманных молодыми, приручали настолько, что их можно было употреблять для езды на санях. Но прибавляют, что закон запретил подобное превращение диких зверей в домашних на том основании, что вследствие быстроты бега и выносливости лосей, невозможно было догнать преступников, убегавших на них».

В Швеции власть продолжает держаться на силе богатых людей и быстроте королевской полиции. И там не приручают лосей.

Взялись за это дело у нас, в СССР.

Вот заметка, напечатанная в газете «Известия ЦИК»:

«В лесах западной части Северного края за последние годы сильно увеличилось стадо лосей, которые откочевали сюда из лесов Карелии и с участков строительства Беломорско-Балтийского канала. В районе деревень Малошуйки, Калгачихи, Турчанова лоси настолько осмелели, что спокойно ходят близ человеческого жилья. Иногда лоси пасутся вместе со стадом коров.

В ближайшее время в некоторых колхозах края намечаются опыты приручения и эксплоатации лося. Между прочим, известен ряд случаев, когда архангельские жители легко приручали этих животных и использовали их вместо лошадей. Так например охотник Прокушев поймал живого лося в районе Шенкурска и, очень быстро его приручив, приехал на лосе в Архангельск. Лось заменял т. Прокушеву лошадь два года, пока однажды не сломал себе ногу, после чего животное пришлось пристрелить».

Советская власть давно запретила бить лосей во всей европейской части Союза. Теперь лоси быстро плодятся, и опять как когда-то становится их много в наших лесах.

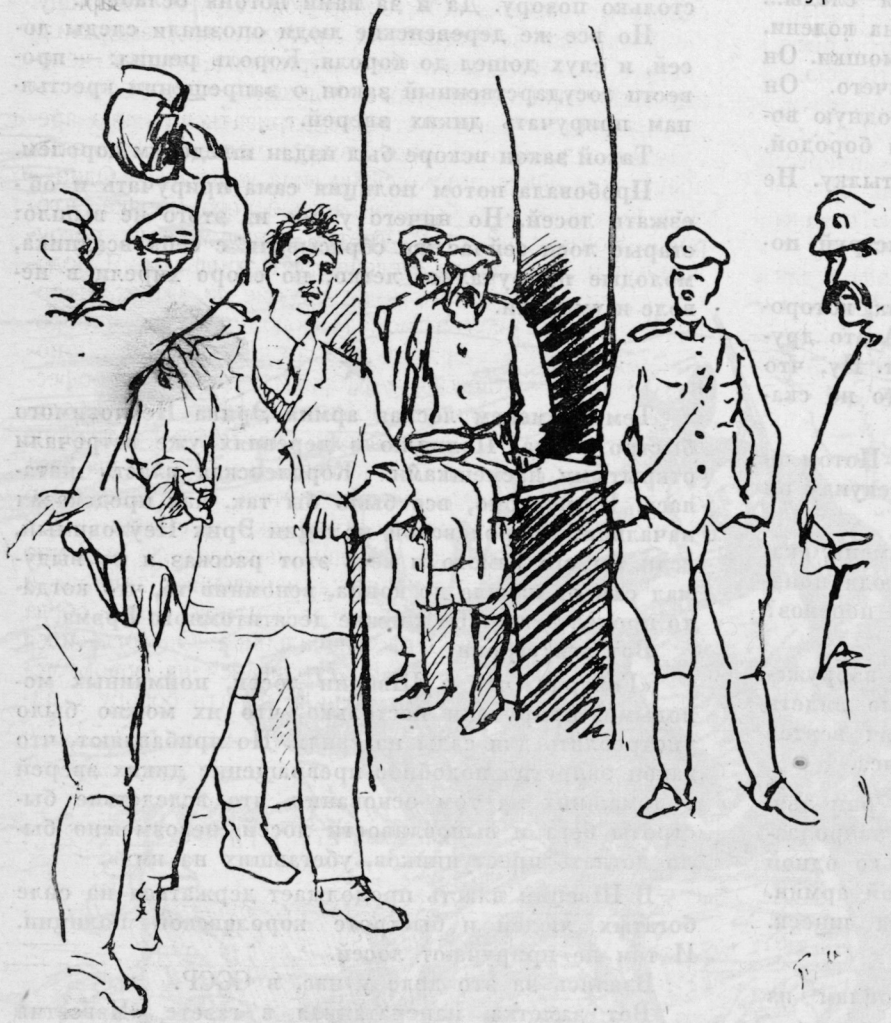
Леса, горы, топкие, вязкие болота, самые непроходимые места станут нам доступны, если мы сумеем приручить лосей, запрячь их и оседлать.

Мирный труд нашей страны нуждается в хорошем лесном коне.

В Бутырской тюрьме

Воспоминания К. Гандурина

Рис. П. Митурича



Кепка была сбита с меня ударом кулака.

★

В конторе тюрьмы сидел дежурный офицер. Городовой сдал ему меня под расписку в книге и сдал какой-то пакет. Офицер позвонил. Вошел надзиратель-старик. Он медленно и с усилием передвигал ноги. Офицер взглянул в лежавшую перед ним книгу, назвал номер камеры, приказав надзирателю поместить меня в ней. Старик обыскал меня. В карманах ничего не было, кроме кошелька с деньгами. Деньги остались в конторе. Кусок булки, мешок с сахаром и белье оставили при мне. Старик предложил мне идти.

Мы прошли через огромный темный зал по каким-то лестницам, коридорам. Везде было тихо, сумрачно и пахло пылью. У дверей, через которые мы проходили, сидели надзиратели с ключами и револьверами, подвязанными к кожаным поясам. Наконец, мы пришли в помещение более светлое; тут был какой-то прилавок, за прилавком виднелись полки — это был цейхауз тюрьмы. За прилавком, около полок, копошились люди в арестантских одеждах, перекладывали какие-то одежды, встряхивали их.

Старик подошел к прилавку и обратился к кому-то:

— Дай одеться.

К прилавку подошел надзиратель, тоже старик. Он снял с полки комплект одежды и молча положил на прилавок.

— Ну, переодевайся, — сказал мне провожавший меня надзиратель и, усевшись на скамью, закурил.

Я сказал надзирателю, что я политический, что политические содержатся в своей одежде.

— Напрасно не переодеваешься, напрасно. Приказывают — значит, все правильно, значит, так полагается.

Надзиратель выглядел каким-то немощным и усталым, и не было в его голосе ничего ко мне неприязненного. Но обращение на «ты» взбесило меня. Я видел в старике тюремщика, а их я презирал и ненавидел. И этот ненавистный человек обращается ко мне на «ты».

— И прошу вас меня не тыкать,— резко заметил я старику.

— Ну, ладно, пойду доложу дежурному офицеру.

Я стоял и ждал, уверенный, что переодеть меня в арестантское платье хотели по ошибке. Прошло минут десять, наконец, открывается дверь, бурей врывается молодой щеголеватый офицер, за ним человек пять надзирателей. Окружили меня. На лицах надзирателей полнейшая готовность сделать со мной все, что прикажет начальство.

— Этот? — спросил офицер у старика.

— Этот,— ответил тот.

— Ты почему не переодеваешься?

Я был готов влепить офицеру пощечину.

— Прошу не тыкать.

— М-молчать! Снять шапку! — Кепка была сбита с меня ударом кулака.— Живо переодевайся!

Надзиратели подошли ко мне вплотную. Я дрожал, кровь бросилась мне в голову. Стараясь овладеть собой, я спросил, на каком основании меня, политического арестанта, заставляют одеваться в одежду уголовных.

— Основание — мое приказание. Одевайся, или я отправлю тебя в карцер.

Как я ненавидел его в эту минуту! С меня уже срывали пиджак. Я видел, что дело мое плохо: меня и в карцер уведут и избить могут. Я отвел руку надзирателя и стал раздеваться сам. Оделся в белье из мешковины, надел парусиновые брюки, бушлат, на ноги «коты», на голову арестантскую шапку — колпак. Офицер, чувствуя себя победителем, ушел. Ушла за ним и свора надзирателей.

Опять меня ведет старик-надзиратель. И ворчит:

— Говорил я тебе... тюрьма — не свой дом.

Лицо мое горит от пережитого унижения и обиды. Старик — этот винтик в машине полицейского государства — мне противен и ненавистен. Когда же удастся сломать эту машину вместе со всеми колесами и винтиками? Надзиратель привел меня в длинный довольно высокий коридор. Справа и слева двери, выкрашенные в серый цвет, с окошками, закрытыми заслонками, в заслонках — отверстия-глазки, прикрытые круглыми бляхами. Это камеры, в камерах гудят голоса. Мы подошли к дежурному надзирателю.

— Прими, жителя тебе привели, — сказал старик и ушел.

Я вошел в камеру и тут же, у двери, которая захлопнулась за мной, остановился. Камера была полна людей, одетых в арестантские костюмы. Посредине камеры, согнувшись, стоял арестант. Через него перепрыгнул детина чуть не саженного роста, но не удержался на ногах и упал. Жители камеры захохотали. Видимо, играли в чехарду. Меня окружили, игра была брошена. Посыпались вопросы: где судили, кто судил, за какую кражу? Я понял, что попал к уголовным. Узнав, что я политический, арестанты откатились от меня горохом, сразу потеряв ко мне всякий интерес. Один из арестантов указал мне на койку, прикрепленную к стене железным прутом и запертую на замок.

— Свободна. Ваша.

Под койкой стоял ящик, служивший и шкафом для вещей и табуреткой. Усталый, ошарашенный тем, что меня посадили к уголовным, я сел.

В камере пахло потом, кислым хлебом. Окна в камере были расположены так же как в жилых домах, невысоко. Подошел к окну, закурил. Окна выходили во двор, двор был большой, представлял собой каменный ящик. С трех сторон стояли высокие кирпичные стены с проделанными в них дверями, сидели караульные надзиратели. Двор был посыпан песком, раскаленные за день стены и песок дышали зноем. Тихо было во дворе, мертво, нигде не видно было никакого зеленого стебелька.

Открылась дверь, надзиратель скомандовал:

— Встать на поверку!

Встали в два ряда. Потом опять команда:

— Смирно, шапки долой!

Вошел офицер с рыжей бородой, за ним надзиратель. Пересчитали, проверили по списку. Потом надзиратель отомкнул замок, которым были заперты койки. Я осмотрел койку: чисто, насекомых не видно; положил подушку и одеяло, которые мне дали в цейхаузе. Лег, вспомнил офицера, удар, которым сбили с меня кепку, опять все заныло и застонало внутри от злости и возмущения.

★

Утром разбудили меня свистки — это дежурные надзиратели будили тюрьму. Я сел на окне, было рано, часов шесть; воздух за ночь остыл, утренняя прохладноватая свежесть касалась щек, груди, вливалась в легкие. Двор был также пустынен как и вечером, но надзиратели сидели у дверей с винтовками в руках. Тюрьма неопределенно гудела, чувствовалось присутствие большого количества людей, что-то делающих, говорящих. Но вот в этом глухом шуме возникли новые слабые звуки. Они напоминали крики стрижей, летающих высоко в небе. Кусок неба я видел, но небо было так же пустынно как и тюремный двор. Звуки усиливались и стали походить на какой-то нежный звон: казалось, что мягко ударяют по струнам какого-то музыкального инструмента. Звон становился более определенным: было ясно, что какие-то кусочки металла ударяются и трутся один о другой. Наконец я понял: на дворе показалась партия каторжан, звенели кандалы.

Каторжан было человек полтораста, у всех ноги скованы цепями, цепи подвязаны к поясам. Что-то безысходно грустное, тоскливое, безнадежное было и в звоне цепей, и в одинаковых серых парусиновых одеждах, и в замедленных, отяжеленных шагах каторжан. Толпа, двигавшаяся сначала сплошной массой, разбилась на группы. Некоторые из каторжан подошли к окнам, послышались голоса, задымили папиросы.

Ко мне подошел чернобородый коренастый каторжанин и спросил, есть ли у меня папиросы. Я дал и спросил: кто он и за что осужден? Ответ был краток — лесной брат. О лесных братьях знала тогда вся страна. Это были партизаны Прибалтики — крестьяне и батраки, ушедшие в леса от карательных отрядов и с величайшим мужеством боровшиеся с царскими войсками и с баронами. Я горячо пожал руку товарищу.

После чая выпустили на прогулку нас, выпустили так же как каторжан: всем коридором, толпой человек в полтораста или даже больше.

Я вышел во двор и стал всматриваться в лица арестантов. Я заметил группу из трех человек. Лица этих арестантов не были похожи на лица уголовных. Один — молодой человек с бородой английского моряка, второй — почти подросток, третий — задумчивый, погруженный в свои мысли, человек лет тридцати. Я подошел к ним, спросил, не политические ли. Ответ утвердительный. Познакомились. Молодой человек, с бородой английского моряка, оказался студентом; юноша — рабочим табачной фабрики; третий — профессиональным партийным работником. Все трое — большевики. Я был очень обрадован. Они посоветовали мне просить перевода к ним в камеру. В камере была свободная койка. Политических у них в камере было четверо, я был бы пятым, а это уже известная сила.

Кончилась прогулка, я заявил надзирателю, что мне необходимо видеть помощника начальника тюрьмы и просил его сообщить об этом в контору. После обеда меня вызвали к помощнику начальника. Он согласился перевести меня. Вечером я устраивался на новом месте. В этот же вечер мы решили начать борьбу с администрацией тюрьмы.

Я подошел к ним, спросил, не политические ли. Ответ утвердительный. Познакомились.

★

Лесных братьев было шесть человек, сидели они все в одной камере, с ними вместе сидело не-

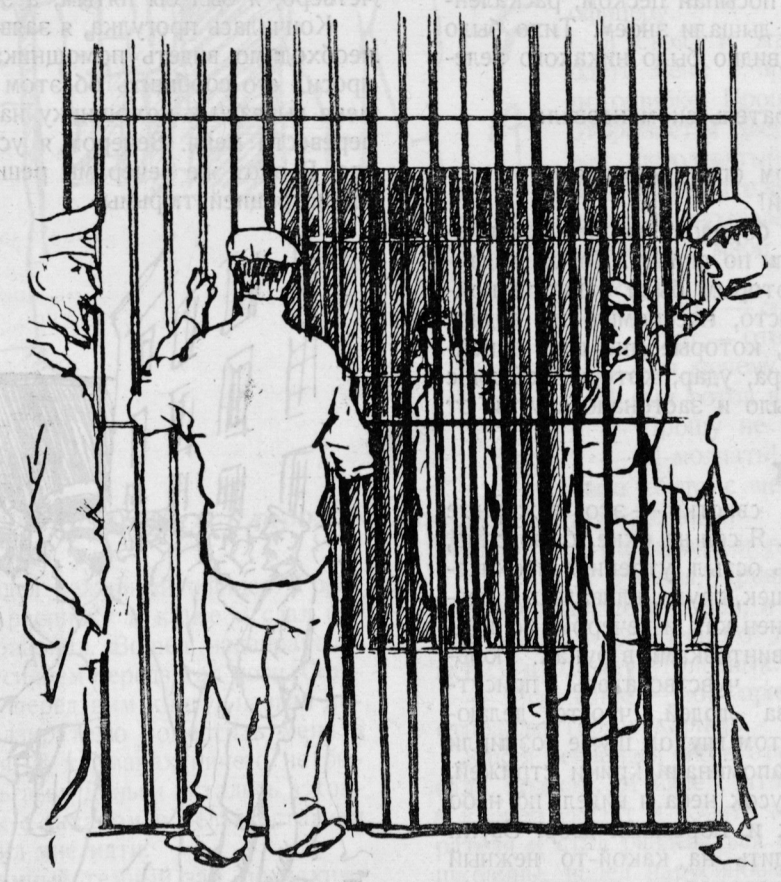
сколько человек анархистов и эсеров-максималистов, были и уголовные — убийцы. Вся эта группа политических каторжан была осуждена на вечную каторгу. Люди эти были смелые и решительные. Лесные братья и анархисты подготовляли побег. План этого побега был нам известен. У них в камере хранился динамит. Во время прогулки они намеревались взорвать стену и бежать через пролом. Но у них не было одежды вольных людей, в арестанской одежде они убежать никуда не могли. Если бы им удалось уйти со двора тюрьмы, сбросить кандалы, их задержали бы на улице. Вот эту одежду для них и доставали политические подследственные, сидевшие в своем платье в одиночках.

План побега казался крайне рискованным, но лесные братья жили этим планом и в успех его крепко верили. Энергии у них было много, физических сил тоже. Видимо, не привыкшие отступать ни перед чем, они могли сделать самое невозможное. Рассчитывали они на панику и растерянность, которую произведут среди надзирателей взрывы. И кроме того у них были два револьвера и патроны.

Их предали уголовные каторжане, находившиеся с ними в камере. И предали, как нам рассказали, не потому, что они хотели выслужиться перед администрацией тюрьмы, а потому, что боялись взрыва динамита, хранившегося в камере. В камерах пол был асфальтовый, асфальт был в нескольких местах вырезан, песок удален, в углублениях, прикрытых кусками асфальта как крышками, и хранился в каких-то коробках динамит. Боязнь погибнуть от случайного взрыва одолела уголовных, и кто-то из них сообщил тюремному начальству о динамите. Сделали обыск, нашли динамит, одежду, револьверы. Политических каторжан из этой камеры подвергли наказанию карцером, рассадили потом по одиночкам.

★

По воскресеньям заключенным давались свидания с близкими. Дни эти проходили оживленнее других; с утра начинали ожидать заветного гостя. Я не рассчитывал на встречу с дорогими людьми. У меня никого не было в Москве, кто мог бы навестить меня. Но в одно из воскресений старик-надзиратель, читая список, назвал мою фамилию. Я думал, что он ошибся, и сказал ему, что я никого не жду и мне некого ждать. Но надзиратель ответил, что в Бутырках не ошибаются раз вызывают — кто-то пришел. Пошли на свидание. Свидания давались через две решотки, между решотками — пустота, узкий коридор, по которому расхаживает надзиратель, наблюдающий и за разговорами, а так же и за тем, чтобы не было передано чего-нибудь недозволенного. Я подходил к решотке, думая, что все же меня вызвали по ошибке. У решоток, уткнувшись в них лицами, стояли арестанты и кричали. Посетители кричали тоже. В этом гаме множества голосов трудно было уловить слова. Я подошел к указанному мне месту и увидел за решоткой мать. Лицо ее было измучено и все в слезах. Из-под платка выбились волосы. Она поднималась на носки и металась за решоткой как раненая. Увидев меня, замерла вся, впилась глазами в мое лицо, шевелила губами, но сказать ничего не могла. Лицо матери, ее загорелые руки, скользящие по решотке, худенькие, маленькие плечи, покрытые черной косынкой и вздрагивающие от рыданий, полоснули по сердцу как хлыст. Моя беда была пустяком, арест на три месяца — пустяк. Но обстановка тюрьмы, надзиратели, решотка — все это не могло не потрясти мою мать, не истерзать ее. Я не сразу нашел, что сказать матери. Я прежде всего старался убедить ее в том, что я скоро, месяца через два, буду на свободе. В это она поверила не сразу, но, поверив, успокоилась и сказала, что привезла мне сдобных колобков и вареных яиц. Затем рассказала об отце и брате. Я, посмеиваясь, рассказывал ей о тюрьме, о хорошей койке, о щах, которыми нас кормят. Этот разговор на темы, привычные для матери, успокоил ее. Разговор наш был краток, надзиратель об'явил, что свидание окончилось. Мать опять затосковала и заплакала. Она поклонилась мне три раза поясным поклоном и пошла. Надзиратели оттесняли посетителей от решоток, выпроваживали их. Пошел и я, унося с собой узелок с вареными яйцами и сдобными колобками. Шел я и думал о чувстве матери, простенькой незаметной женщины. За всю свою жизнь она один раз ездила по железной дороге в Шую, находящуюся от Иванова в тридцати верстах. И вспоминала всегда об этой поездке, как о тягостной и трудной, а о Шуе как о городе незнакомом, в котором она чувствовала себя потерявшейся. И вот приехала в Москву, не имея в ней ни души знакомых, добилась в охранке разрешения на свидание, истратила на поездку последние гроши. Чего это стоило моей робкой, застенчивой матери, мне было ясно.



В одно из воскресений меня вызвали на свидание.

12 сентября в камеру явился тот самый старик-надзиратель, который провожал меня из конторы в камеру в день моего прибытия в Бутырки.

— Гандурин, собирай вещи.

Собрал я несложные вещи тюремного обихода, простился с товарищами и вышел из камеры. Опять мы шли коридорами, опять щелкали ключи в замках. Шел я и подводил итоги: три месяца ареста — какие пу-

тяки. Но два с половиной месяца, проведенные мной в Бутырках, были серьезны. Серьезны были тем, что я увидел в тюрьме и чему был свидетелем. Каторжане политические, их попытки организовать побег, начальство тюрьмы и порядки, заведенные этим начальством, — все это было живым ответом, дополнением к тому, что я узнал за свою жизнь в Иванове. Эти наблюдения, этот опыт говорили о необходимости самой непримиримой борьбы с общественным строем, создавшим Бутырскую тюрьму.

ЗНАМЯ ОТРЯДА ДЕРЖАТЬ ВЫСОКО

Это пионерский актив шестого отряда, шестой школы Замоскворецкого района.

В отряде три звена. Отряд наметил план работы по звеньям. Первое звено — массовики. Они разучивают пьески, песни, пляски, помогают весело проводить сборы отрядов и звеньев. Второе звено хочет ознакомиться с работой подшефного завода им. Калинина. Ребята изучают процессы производства механосборочного цеха и выпустят для отряда альбом, в котором расскажут историю этого цеха. Третье звено изучает исторические музеи Москвы. Ребята делают снимки и зарисовки в музее для школьного альбома, который будет пособием для занятий по истории.

Актив отряда отвечает за то, чтобы вся программа была выполнена.

Через два месяца мы проверим, как работает отряд, высоко ли он держит свое знамя.

Барабанщик Женя Челышев.

Знаменосец Зина Маслова.

Горнист Женя Богачева.

РАССКАЗ О МИЛИЦИОНЕРЕ

А. Некрасов

ДЕСЯТЬ ТЫСЯЧ ПРОХОЖИХ В ЧАС

Из окна Московского совета за час можно насчитать десять тысяч прохожих. Некоторые из них идут не спеша, другие торопятся, толкаются локтями и наступают друг другу на ноги. А по улице, шурша шинами, несутся автомобили, автобусы и троллейбусы. Тысяча машин в час! Они тоже обгоняют друг друга и перекликаются сердитыми, нетерпеливыми голосами. Но они никогда не толкаются и не наступают друг другу на пятки. Они приучены к порядку.

Вот вдоль улицы с ревом несется блестящий черный «линкольн». Ветер рвет яркий флажок с радиатора. Кажется, нет такой силы, которая могла бы его остановить. А слева, из переулочка, наперерез торопится крошечный полугрузовичок. Шоферы не видят друг друга. Вот они совсем близко. Осталось каких-нибудь сорок—пятьдесят шагов. Сейчас машины столкнутся... Брызгами во все стороны полетят осколки стекол. Грузовичок перевернется вверх колесами и встанет поперек улицы. «Линкольн» сразбегу отлетит в сторону и боком раздавит об стену людей, которые идут, ничего не подозревая. Пешеходы бросятся к месту происшествия. Примчится скорая помощь. Она еле пробьется сквозь загороженные автомобилями и запруженные встревоженной толпой улицы.

А шоферы все еще не видят друг друга. Осталось двадцать шагов. Катастрофа неминуема.

Но «линкольн», неожиданно взвизгнув колесами, с полного хода замирает на месте. Красивый флажок обвисает тряпкой. Грузовичок благополучно проскакивает мимо, а секунду спустя и «линкольн», фыркнув, бросается дальше. Вот ничего и не случилось.

Одним движением руки милиционер, стоящий на перекрестке, предотвратил аварию.

Кто стоит на этом опасном и ответственном месте у Московского совета? Лучший милиционер Москвы Станислав Иванович Миклашевский. Он высокого роста, держится прямо, из-под каски у него выбиваются седые волосы. На груди висят три значка: ГТО, «ворошиловского стрелка» и «почетного милиционера».

В ПЛЕНУ У ЮНКЕРОВ

Недавно ему исполнилось 58 лет. Скоро он будет праздновать семнадцатилетие своей работы в милиции, а до этого служил рядовым в армии. Еще раньше Миклашевский пахал землю где-то в Белоруссии.

В милицию он поступил в 1917 г., в самое тревожное время. Тогда как раз юнкера хотели вернуть к власти Керенского, и юнкерские патрули ходили по Москве, вылавливая красных.

И вот Миклашевский попался такому патрулю. Его отвели в штаб юнкеров (это там, где теперь помещается Народный комиссариат обороны).

Миклашевский знал, что его, наверное, расстреляют, но юнкера плохо стерегли пленников, и Миклашевский убежал, бросился проходными дворами, переулками и кое-как добрался до дому. Юнкера откуда-то узнали его адрес и на утро пришли к нему на квартиру. Давай ломиться в дверь. Миклашевский видит, дело плохо. Куда деваться? В окно! Бросился к окну и видит: как раз мимо идет отряд вооруженных рабочих. Миклашевский крикнул: «Товарищи! Юнкера напирают, спасайте!» Рабочие бросились по лестнице вверх и арестовали юнкеров.

А немного спустя юнкеров одолели в Москве, и Миклашевский вернулся на свой пост.

СО СВИСТКОМ НА БАНДИТОВ

Тогда на Миклашевском не было ни блестящих сапог, ни наглаженной куртки, ни каски. Милиционеры ходили кто в чем. Миклашевский носил рваную шинель и лапти. Даже револьвера у него не было. Оружия у милиции было очень мало. Оно было на фронтах. На каждый пост приходилось по одной старой берданке, и сменные милиционеры передавали друг другу это бессменное ружье.

В те годы ночами по улицам рыскали «черные автомобили». Бандиты и белогвардейцы носились в них по городу и убивали одиночных милиционеров. По ночам милиционеры ходили патрулями.

Однажды Миклашевскому пришлось идти ночью одному. Он шел, оглядываясь по сторонам, чтобы не попасть под пулю.

Вдруг в открытую дверь магазина он увидел трех бандитов, ломавших кассу. Отпустить их Миклашевский не хотел, а арестовать бандитов без оружия было трудно. А если попробовать?

Миклашевский свистнул в свисток и, бросившись к бандитам, ткнул свистком как револьвером одному из них в спину.

— Руки вверх! — закричал Миклашевский.

Бандиты подняли руки.

Только в милиции, куда их привел Миклашевский, они узнали, что их арестовал и привел человек, вооруженный одним свистком.

ПЬЯНЫЙ АВТОМОБИЛЬ

Прошло несколько лет. На улицах Москвы стало тесно. Автомобили стали мешать друг другу. Надо было кому-нибудь управлять движением.

Кому же управлять в городе, как не милиции?

Московский совет поручил регулировать движение лучшим милиционерам Москвы. Одним из них был Миклашевский.

Он стоит на посту и следит за тем, чтобы автомобили не налетали друг на друга и на пешеходов. Поднимая руку в белой перчатке, он обрывает поток автомобилей, мчащихся на него по улице. Другой рукой он указывает свободный проезд из переулка, и машины слушаются его как хорошо обученные солдаты.

Эта работа не только трудна, но и опасна. Однажды пьяный шофер сбил и задавил насмерть милиционера, друга Миклашевского.

У Миклашевского был такой случай: как-то он стоял на посту, вдруг видит: по улице мотается из стороны в сторону автомобиль как пьяный. «Что за странный автомобиль?» — подумал Миклашевский и свистнул. Но автомобиль не остановился, а пошел быстрее. Тогда Миклашевский вскочил на подножку другого автомобиля и велел шоферу ехать вдогонку. Когда машины поровнялись, он на ходу перескочил в удиравшую машину и задержал шофера. Шофер был пьян, авария была бы неизбежна. Но Миклашевский был свидетелем и такого случая, когда совершенно трезвый шофер разбил машину и убил трех человек. Настоящим убийцей был не он, а пешеход, который перебегал улицу. Шофер, чтобы не раздавить его, свернул в сторону и врезался в стену.

Поэтому Миклашевский зорко следит не только за машинами, но и за прохожими. По Москве ходит немало людей, которых Миклашевский спас от верной смерти. Многие из них даже и не знают об этом.

А машин на улицах Москвы все прибывало. Появились автобусы и такси. Милиционерам все труднее было справляться с движением. Наконец, на улицах поставили первые светофоры. Милиционеры, передвигая крошечный рычажок, зажигали желтый, зеленый или красный огонь над перекрестком. Потом появились автоматические светофоры, в которых маленький моторчик, поворачивая стрелку, пропускает уличный поток то в одном, то в другом направлении.

КОЛБАСНАЯ КАВАЛЕРИЯ

Кто чаще всех попадает под автомобили и трамваи?

Конечно «колбасная кавалерия». Ни на чем, кроме трамвайной колбасы, они своего геройства проявить не могут. На лошадь верхом посадишь — свалятся. К мотоциклу они и подойти как, не знают, а нето что управлять. Даже на велосипед сесть не умеют. А тут геройствуют: «Смотрите, мол, какой я храбрый». И давит их иногда трамвай.

Но иногда и взрослые бывают не умнее ребят. Они ходят по мостовой, вместо того чтобы ходить по тротуару, переходят улицы где попало и, когда милиционе-

Лучший милиционер Москвы—Станислав Иванович Миклашевский—на своем посту.

ры останавливают их, эти «кандидаты в покойники», как их называет Миклашевский, еще сердятся и ругаются.

Чтобы справиться с ними, Миклашевский позвал себе на помощь пионеров. Эти пионеры стоят на углах, и когда какой-нибудь «кандидат» сойдет с тротуара, ребята подходят к нему.

— Дяденька, — говорят они, — такой большой, а ходить не выучился, неужели не стыдно?

Прохожие смеются, и неудачливый «кандидат» лезет назад на тротуар.

Все автомобили и все пешеходы знают Миклашевского в лицо. Мимо него каждый день за время дежурства проходит 150 тыс. пешеходов и 10 тыс. автомобилей.

А есть ли в Москве человек, который хоть раз в месяц не пройдет по улице Горького, мимо Московского совета?

Лагерь на Вокше

Повесть Г. Замчалова

Рис. А. Варнавицкой

Китайский фокус

(*продолжение*)

V

После ужина в комнату вожатых пришел доктор. Он был возмущен.

— Товарищи, нельзя перегружать ребят. У них и так сегодня слишком много впечатлений, а вы хотите еще такой сбор затевать. Они переволнуются и потом не заснут.

— Но мы им обещали, они ждут. Это же очень важные вещи.

— Вот именно! Поэтому и лучше их перенести на утро.

Вожатые посоветовались и решили сбор отложить назавтра.

Ребята ходили по двору, собирались в группы, возбужденно разговаривали и не признавали никаких развлечений. Читальня пустовала. Волейбольная сетка лежала у столба. На физкультигры Сережа собрал только восемь человек, самых маленьких. Во дворе Костю атаковало человек десять старших ребят.

— Ну, чего же вы тянете? Только время пропадает.

Костя сделал вид, что ничего не понимает. Он хотел уйти.

— Завтра, завтра, ребята. Это слишком серьезная вещь. На ночь вам волноваться вредно.

— Кто тебе сказал? Доктор, да? Пускай он сам не волнуется. Все равно никто же, никто не играет. Посмотри: все только об этом и разговаривают.

Одни окружили Костю и не выпускали из круга. Другие побежали за Виктором Павловичем. Почти силком притащили доктора. Сбежался весь лагерь. Все были серьезны и тихи, все требовали одного — начинать. Вожатым пришлось уступить.

Доктор оказался прав: ребята разволновались и в первые минуты не находили нужного делового тона. Они страшно преувеличивали. Все у них получалось плохо, кругом одни недостатки. Куда им тягаться с алексеевцами! Те настоящие пионеры, а они так... ерунда.

Вожатые почему-то молчали. Наверно, они хотели посмотреть, как ребята сами будут «выплывать» из положения.

Ребята затоптались на месте. Стали говорить почти одними вопросами. Почему так трудно отвыкнуть от вранья? Почему так хочется похвастать даже несуществующими доблестями? Почему трудно быть всегда чистым и акуратным в работе? Почему все, что советуют вожатые, кажется не очень интересным, а все, чего делать нельзя, очень интересно? Почему придумать и особенно сделать что-нибудь хорошее лень, а на глупую и вредную выходку иной раз затрачивают пропасть ума, изобретательности и ловкости?

Но потом языки развязались. О недостатках уже не скулили. Их смело называли и тут же давали им отпор:

— Врали? — Будем стараться, чтобы этого не было больше. Пусть каждый следит за собой и за товарищами. Если замечание сделают, обижаться нечего.

Кидались громкими фразами? — Высмеивать крикунов.

Читали вредные книжки? — Устраивать обсуждение таких книг. Выкинуть из читальни никому ненужное старье. Привести из города книг новых и интересных.

Играли в глупые игры? Пели дурацкие песни? — Пусть вожатые скорее организуют военные игры с разведкой, маскировкой, использованием местности. Требовать от них интересного затейного материала. Разучить побольше новых песен.

Жаловались на скуку? — Самим шевелить мозгами, самим устраивать себе веселье.

В начале сбора Степа был очень весел. Казалось, что все устраивается само собой. Для «Светлого города» ничего не надо завоевывать. Ребята как бы сами сознавались, что они нисколько не лучше его.

Теперь же у него было такое чувство, словно он на крутом повороте вылетел из телеги и никто этого не заметил. Надо было догонять. Надо было что-то решить и быстро сделать. Он уже возненавидел и подвал м «Светлый город». В это время его разыскал Федя.

— А мы опять в колхозе были. Ох, и здорово там было! Вот только с завалинкой ничего не вышло. Деревенские шарахались от нас как от заразы. Их уговаривали и Панька и старичок тот, голубоглазый, — ничего не помогло. Взяли, дураки, и ушли от нас. Да, я забыл: тебе Панька записку прислал. Вот смешной, этот Панька!

Степа развернул клочок бумаги. На нем было написано: «Что же ты не пришел к нам? Обещался, а сам не пришел. Ты приходи. Мы с тобой всех вредителей тут переловим. Я хотя ногу зашиб, ну, все равно. Она скоро пройдет».

— Вы что делаете, а? Вы зачем разговариваете?

Вместо того чтобы посмеяться над запиской, Степа вдруг обрадовался ей, словно это было письмо от Ворошилова.

— Ты знаешь? — зашептал он. — Знаешь?.. Нет, я лучше ничего не скажу. Вот увидишь...

VI

Рано утром в четвертой палате проснулась маленькая девочка. Она осторожно слезла на пол. Кровать скрипнула, и она замерла в испуге. Девочка накинула на рубашенку простыню и стала красться к выходу. Вдруг у самой двери поднялась другая девочка.

— Верка, ты зачем встала? Ведь горна еще не было.

— Да мне надо. Я сейчас приду.

— Лучше не ходи, Верка. Из-за тебя красное знамя не получим.

— Мне уже давно надо.

— Ну, что же, все равно нельзя.

В углу поднялась третья девочка и зашипела на них:

— Вы что делаете, а? Вы зачем разговариваете? Сказали, чтобы до горна мертвая тишина, а вы... Вот теперь мы хуже всех будем. Все через вас, дуров.

— Ага, я скажу Кате Самариной! — вскочила четвертая. — Ругаешься, да?

— А ябедничать тоже нельзя, спроси кого хочешь.

— Ой, что вы наделали!—сказала пятая.—Все испортили. И ругались, и грубые слова, и ябедничали, и разговаривали. Почему я молчу? Мне, может, тоже давно спать не охота, а ведь я не разговариваю.

— Как же не разговариваешь? Сама больше всех наговорила. А еще ты хвастаешь — это, думаешь, хорошо, да?

Девочки смотрели друг на дружку.

— Что теперь будет, а?

— Давайте скорей ляжем — и как будто ничего не было. Все равно ведь никто не слыхал. А мы не скажем.

— Да, а врать разве можно?

— Ну, если немножко, ничего. Мы ведь нечаянно.

Минут пять в спальне царствует «мертвая тишина». Все зарылись с головами и делают вид, что спят. Потом одна приоткрывает одеяло и тихонько говорит:

— Нет, мы лучше скажем. Раз нельзя врать — значит нисколечко нельзя. Пускай лучше в другой раз мы получим красное знамя.

VII

Степа вывесил над своей кроватью приказ: «В девятой палате больше нет плохих». Это значило: ждите какой-нибудь новой выходки, остроумной и веселой.

Уж он наделает шума, этот Степка! Ребята с вечера поглядывали на приказ и заранее усмехались. Но говорить никто не осмеливался.

За полчаса до горна Степа встал и быстро натянул трусы. Дотронулся до Феди — тот тоже встал.

— Буди ребят. Скорей! Звеновой пусть станет у двери на караул. Если кто пойдет, пусть даст знак и сам скорей ложится.

— Убирать комнату! — приказал Степа. — У кого грязная одежа — стены вытирать, потолок. Вот, нате мою рубаху. У тебя, Васька, одеяло серое — можно им. Я сейчас приду. Шуметь нельзя. Кто пикнет — не плачь тогда.

Он вышел и направился в лес. Ребята морщили лбы: что он такое задумал? Приставали к Феде, но он притворялся, что ничего не знает. Может, правда, не хочет больше хулиганить.

Началась уборка. Поставили на кровать столик, на столик табуретку. Четверо держали эту каланчу, а длинный Федя забирался наверх. Рубахами или васиным одеялом он тщательно обтирал пыль на потолке и верхней части стены. Затем каланча передвигалась, и он снова лез. Так прошли почти всю палату. Вдруг звеновой захрипел: «Идут!» и кинулся к своей кровати. Все последовали его примеру. Каланча осталась без поддержки. Стол, стул и длинный Федя с грохотом полетели вниз. Федя скорей закрылся одеялом. Вошел Степа с огромной охапкой зеленых веток.

— Почему не убираете?

— Испугались. Кто-то шел к нам. Мы уже потолок и стены вверху вытерли, теперь только внизу.

Раздался горн. Ребята побежали из палат с полотенцами, с мылом, с зубным порошком. На плотах не хватало места. Никому не хотелось ждать очереди, и ребята полезли в воду. Старательно чистили зубы, намыливали шею, лицо, руки до локтей, уши. Степа стоял у лестницы, ведущей наверх, и как барышник лошадей осматривал своих хлопцев.

— А, ну, покажи зубы! Так. Ничего. А в ухе почему оставил? Я за тебя буду, да? Ступай обратно.

— А ты сам покажи, может, у тебя еще похуже,— осмелел один.

— На, смотри.

— Степка, ты что, спятил? — изумился парень. — Что ты задумал? Скажи, скажи, Степа.

— Ладно, после скажу. Давай, другой! Зубы, зубы сперва.

Костю закидывали вопросами, не давали смыть мыла.

— Костя, а мы раньше горна разговаривали. Только мы нечаянно и сейчас же замолчали. Это плохо, да, Костя?

— Ну, если немножко, то ничего. Вы, ведь, не мешали другим спать?

— Нет, мы тихо, мы шопотом. А еще мы хотели наврать, что не разговаривали.

— Да ведь не наврали?!

— Костя, а Ваня Попов сказал, что мы ползучие гады. Это ведь грубое слово?

— Костя, я им рассказал, как десять рублей нашел и отдал хозяину. А они не верят, говорят: хвастаю.

— Костя, а как вот если...

— Постойте, постойте, ребята! Мне же глаза ест, больно. Дайте хоть смыть. Такие мелочи вы сами решайте, между собой.

VIII

После зарядки хлопцы в девятой палате развесили гирлянды под потолком крест-накрест, по диагоналям. Так же украсили окна, портреты. Звеновой выпросил у вожатых плакат, изображающий пионера с горном. Его прибили и тоже украсили ветками. Затем акуратно застелили постели, подмели и вытерли пол. Грязные рубахи и одеяло потихоньку выбили за корпусом.

— Кто напачкает, вытереть заставлю, — об'явил Степа. — Сегодня, ребята, в кружках заниматься как следует. Всю работу делать так, чтобы удивились. На линейке и в столовой ни одного слова. Если увижу хулиганство какое, — смотрите!

Линейка собралась в полторы минуты. Это было громадное достижение. Раньше собирались в три—четыре минуты и больше. Завтрак прошел тихо, без спешки. В расписание уложились свободно. Ребята жалели, что нет Виктора Павловича (он чуть свет уехал в город за новыми книгами и затейным материалом) — вот уж кто бы порадовался!

Началось рабочее утро: кружки, экскурсии в лес, уборка лагеря, подготовка к костру. Ребята старались друг перед дружкой. Каждую мелочь делали необычайно серьезно. Даже отпетые хлопцы из девятой палаты сегодня поражали толковыми ответами, вдумчивой работой в кружках и дисциплиной.

В мертвый час лагерная жизнь впервые замерла по-настоящему, а не для виду.

После чая в лагере стали громко говорить, что красное знамя возьмут большие девочки из первой палаты. Костя заходил к ним и сказал, что они имеют больше всех шансов. Когда это услышал Степа, он упрямо засопел.

— Ну, это мы еще посмотрим. Один Костя ничего не значит.

— Степка, неужели ты хочешь, чтобы мы знамя взяли? — не верили ребята. — Зачем это тебе?

— Ни за чем. Тогда увидите, зачем.

— Нет, что-то есть у него на уме. Зря бы он не стал стараться.

После ужина врач, Сережа-физкультурник, Катя Самарина и двое пионеров из санкомиссии ходили по палатам. Они осматривали стены, пол, потолок, кровати, украшения, лозунги и портреты. Они опрашивали старосту, звенового, всех ребят. Они с одинаковой строгостью проверяли как чистоту, так и все поведение звена и каждого пионера в отдельности за весь день. Результаты записывались в особо разграфленный листок с баллами.

Чем ближе подходила вечерняя линейка, тем больше волновались ребята. В физкультигрях горячим шопотом передавались свежие новости: что сказал врач в седьмой, что нашли в третьей, как влопалась одиннадцатая. В середине песни закрывались рты и уши настораживались: «Ой, что-то говорят, не про нас ли?» Большие девочки, играя в волейбол, слишком уж громко и победно смеялись. Кто-то слышал, как одна из них хвасталась:

— Знаю все равно, что у нас в палате стоит. Про это и говорить нечего.

Степа все чаще сопел... Он уже два раз бегал в первую палату и внимательно изучал ее. Ничего особенного. Только что лозунгов понавешено. Зато нигде так не блестят пол и потолок как в десятой. Ерунда все это, не может быть, чтобы им дали.

Наконец: «Смирно! Равнение направо!» Катя Самарина левой рукой прижимает к себе как винтовку, знамя. Правой она отдает салюты рапортующим ей вожатым отряда. Знамя свернулось, но все знают, что на нем написано: «Лучшему ударному звену лагеря им. Ворошилова».

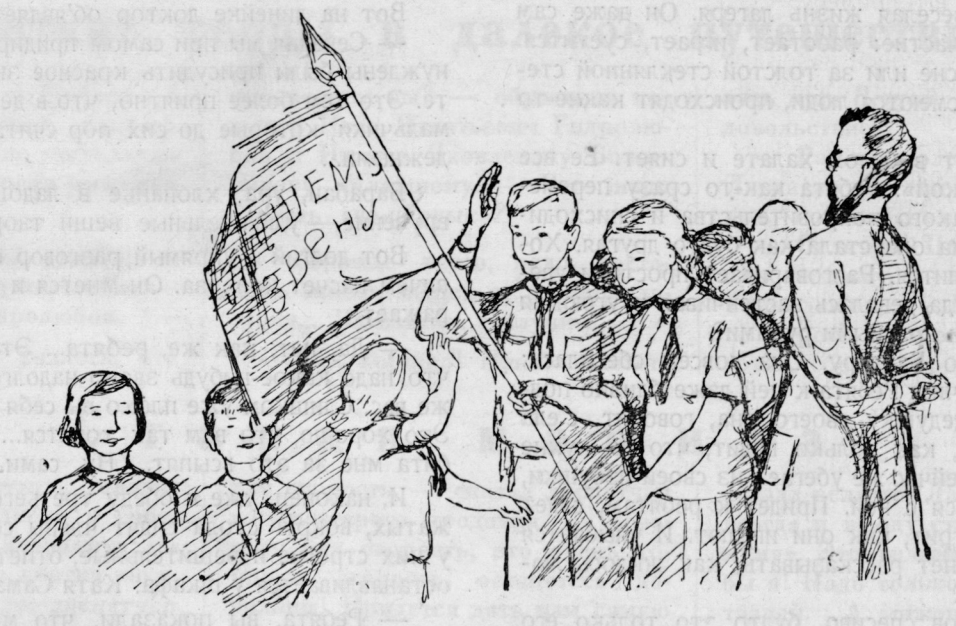
После рапортов Миша Садовников командует «Смирно» и Костя говорит:

— Ребята! Могу с радостью как и вы все сказать: сегодня вы показали образцы высокой сознательности и пионерского напора во всем, вплоть до мелочей. Сейчас трудно, конечно, угадать заранее, но я думаю, что если вы так будете продолжать, то соревнование с алексеевцами мы выиграем.

После него говорит доктор.

— Ребята, мы беспристрастно рассмотрели все сведения за сегодняшний день. Тут и чистота в палатах, и личная опрятность каждого пионера, и дисциплина в столовой, на линейке, на пляже, и работа в кружках, и проявленная инициатива — словом, вся жизнь за день. Все данные мы оценивали в баллах-очках положительные с плюсом, отрицательные с минусом. Вот общие результаты.

Вожатая первого звена подалась вперед. Степа напрягся, готовый броситься и схватить знамя, хотя по правилу все равно принимать его должен был не он, а звеновой.



Катя торжественно вручила маленькой звеновой красное знамя.

— Лучшие показатели... — доктор заглянул в бумагу и вдруг об'явил совершенно невероятную вещь: — Тридцать восемь очков получили самые маленькие девочки из четвертой палаты. Им присуждено переходящее красное знамя.

По катиной команде четвертая палата вышла вперед. Вся линейка долго и дружно хлопала ей. Аким Иванович ударил в барабан. Катя торжественно вручила маленькой звеновой красное знамя.

— Мы... будем стараться... — взволнованно отвечала девочка. — Спасибо. Никому не отдадим.

Она картавила, и у нее выходило: «Старлаться... Крласное». «У, гадюка!» — думал Степа, глядя на нее.

Дальше Степа не слушал. Огонь, пылавший в нем целый день, вдруг потух. Все на свете ему показалось неинтересным и бессмысленным. «Наплевать, — решил он.—Пускай подавятся своим знаменем. Очень нужно. Никакого «Светлого города» не буду строить. Отдам им свой миллион, а сам уйду в беспризорники. А этим «крласным» завтра напущу ежей в комнату».

IX

Угрюмый, всех ненавидящий, он пошел к себе в палату и лег спать. Утром умыванье и зарядка на свежем воздухе немного развеселили его. Но он сам нарочно растравлял себя, копил и берег свою злобу как скупец деньги. Ребята продолжали суетиться, убирать комнату: — наплевать, пускай стараются, дураки. После завтрака звено первого отряда пошло в колхоз — наплевать, пускай идут. К обеду они вернулись и стали жаловаться, что деревенские все еще не хотят с ними разговаривать — наплев...

И вдруг опять стало — не «наплевать». Почему? Потому что пришли колхозные пионеры, все шесть человек, во главе с прихрамывающим Панькой. Ребята встретили их шумно, радостно, напоили чаем, все показали, приняли в игры и оставили до ужина. Но это все ерунда. Главное то, что после такой встречи и ухаживанья Панька знаете к кому пришел разговаривать? — К Степе.

— Где ты пропадаешь? — сказал он. — Я прямо насилу разыскал тебя. Почему ты не хочешь к нам приходить? Все были, а ты нет.

Моментально в степиных глазах все преобразилось. «Светлый город» вернулся на место.

— Постой, подожди меня тут. Я пойду, поговорю с вожатым.

— Костя! — крикнул он, разыскав своего брата. — Вы неправильно делаете. Так нельзя, чтобы в колхоз сегодня одно звено, а завтра другое. Надо, чтобы кто-нибудь всегда там работал. А потом надо знать, кого посылать. Надо таких, чтобы...

— Это кого же? Вас что ли?

— А что? Думаешь, мы хуже твоих девчат?

— Ну, ну, не расходись. Я вас немножко знаю. Нечего мне очки втирать.

Костя даже разговаривать не стал об этом. Степа вернулся к Паньке страшно злой. Но эта злость была уже не наплевательская, а такая, которая заставляет хоть лопнуть, но добиться своего.

— Вот что, — сказал он. — Ты, Панька, нашим не говори об этом. У нас пока в протокол не записали, нельзя болтать. Вожатый сказал: скоро наше звено

назначат к вам работать. Может, на весь месяц. Тогда мы все сделаем.

— Вот это ловко! — обрадовался Панька. — Вы только скорее. Я никому не скажу.

Степа снова загорелся. Остаток этого и весь следующий день хлопцы из девятой палаты не знали покою. Правда, как окончательно убедились, Степа осуществляет какой-то план. Но это уже перестало вызывать у них хитрые улыбки. Во-первых, они так же, как и звеновой попросту струсили: если такие приготовления, то какая же сама «потеха» должна быть? Не загремит ли от нее вся палата? А домой все-таки ехать не хочется. Во-вторых, слишком уж дорого им обходилась эта потеха. Целый день быть начеку. Каждую секунду строго обдумывай: как стоять, как говорить, как играть. Чуть ошибся — на тебя уже уставились зеленые глаза и веснушчатое злое лицо. А, главное, теперь и пожаловаться на него нельзя было. Он требовал пока только хорошего.

По существу, никакого плана у Степы не было. Перед ним сейчас как пучок сена перед лошадью маячил колхоз. Надо во что бы то ни стало попасть туда на работу. Все остальное отошло на второй план, даже самое важное, даже «Светлый город». Вокруг Степы бурлит шумная и веселая жизнь лагеря. Он даже сам принимает в ней участие: работает, играет, суетится. Но все это как во сне или за толстой стеклянной стеной. Там бегают и смеются люди, происходят какие-то события.

Вот Шура ходит в белом халате и сияет. Ее все называют «хозяюшкой». Ребята как-то сразу переменились к ней. Никакого покровительства и снисходительности. Да и сама она стала как будто другая. Ходит прямо, не сутулится. Разговаривает просто и уверенно. Что это? Куда девалась застенчивая и угрюмая девочка с неловкими красными руками?

Вот говорят про Бандуру. Она совсем сбесилась: на всех злится, кричит. Ребята к ней даже близко подходить боятся. А дедушку своего она, говорят, с'ела совсем. Он, бедный, как только видит, что на кухне кончается работа, сейчас же убегает из своей избушки, чтобы не встречаться с ней. Придет к ребятам, сядет на скамейку и смотрит, как они играют. И улыбается в бороду. А то начнет рассказывать, как жилось людям в старое время.

Вот Вася Ушаков спесиво, будто это только его рук дело, рассказывает о достижениях в лагере: за два дня ребята внесли 23 предложения, придумано много новых игр. Устраивают суд над Чарской. Обвинять хотят все, а защищать никто. Пришлось Кате Самариной взять под защиту.

Вот удивляются «крласным» девочкам из четвертой палаты, второй раз взяли знамя.

Вот приехал Виктор Павлович. Он привез замечательные книги: «Кондуит», «Школу», «Карабугаз», «Великий план» и много других. Привез льва с разинутой пастью, в которую, если попадешь мячом, она захлопывается. Кроме того целый ящик всяких игр, альбомов для рисования, глины для лепки и других прекрасных вещей.

Но все это — какое-то не настоящее, оно мало затрагивает Степу. Не будь вовсе никаких достижений, провались совсем Шура, исчезни весь лагерь с поварихой и дедом — Степа, наверно, и не заметил бы этого. Потому что на стеклянной стене, отгородившей его от жизни, все ярче горели слова из панькиной записки: «Приходи. Мы с тобой тут всех вредителей переловим».

Но вот в девятую палату заходит Виктор Павлович.

— Ну, как, ребята? Все еще в отпетых ходим? — он оглядывается кругом и видит чистую комнату, гирлянды из веток, картины и акуратные как у девочек кровати. — Ого! Да вы, оказывается...

— Сперва узнайте, а потом говорите, — обижается за всех Федя. — Вы спросите, как отпетые режим выполняют, как они в кружках работают, как они все делают. Получше других еще.

Вот на линейке доктор об'являет:

— Сегодня мы при самом придирчивом подходе вынуждены были присудить красное знамя девятой палате. Это тем более приятно, что в девятой палате у нас мальчики, которые до сих пор считались почти безнадежными...

Барабан, ура, хлопанье в ладоши, торжественное вручение — удивительные вещи творятся в лагере.

Вот долгий и упрямый разговор с Виктором Павловичем насчет колхоза. Он мнется и нерешительно возражает:

— Да, нет, как же, ребята... Это, пожалуй, верно, что надо какое-нибудь звено надолго туда... Да нельзя же вас. Слишком уже плохо вы себя зарекомендовали... Это хорошо, что вам так хочется... Нет, не могу. Ребята мне за это всыпят... Ну, сами вы поймите...

И, наконец, уже к обеду третьего дня: комната вожатых, вокруг стола сидят члены совета лагеря, лица у них строгие и решительные, отпетое звено входит и останавливается у шкафа. Катя Самарина говорит ему:

— Ребята, вы показали, что можете быть хорошим звеном, таким же как другие, даже лучше. Поэтому мы решили назначить вас в колхоз. Смотрите, ребята! Это почти самая важная работа в лагере. Если вы...

Для отпетых началась настоящая жизнь. Стеклянная стена упала. За ней открылись великолепные очертания «Светлого города».

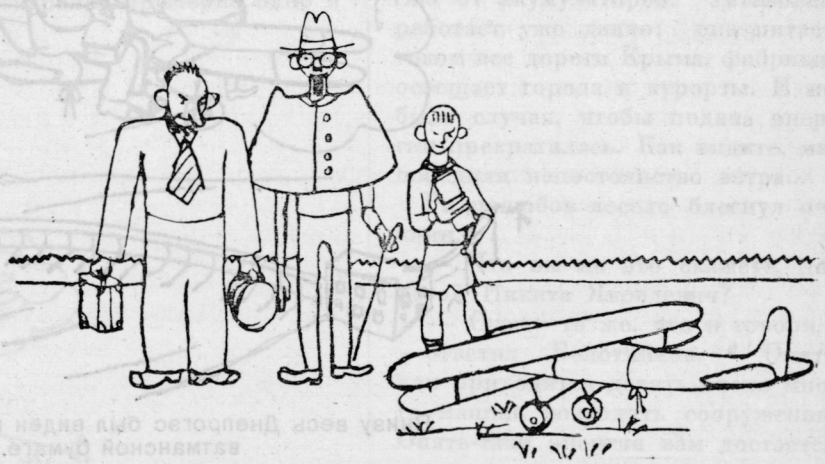
(продолжение следует)

ИНЖЕНЕР ГИДРОЛЮБОВ В ПОИСКАХ ВЕЧНОГО ДВИГАТЕЛЯ

(продолжение)

Записал
Сергей Григорьев

Рисовал
Юра Гидролюбов



Короткие сборы в далекое путешествие

— Раньше чем пуститься в путь... что мы должны сделать в о - п е р в ы х?! — по-учительски блеснув очками, спросил инженер Гидролюбов.

— Мы, «во-первых», дядя, должны составить план путешествия,— подхватил Юрий Гидролюбов.

— А вы, дорогой коллега, что предложите вы? — обратился инженер Иван Игнатьевич Гидролюбов к Никите Яковлевичу Болотникову Младшему. — Что надо сделать *«во-первых»?*

— Прежде всего, надо составить список вещей и продовольствия... Заказать... Получить...

— Ну, хорошо! *План:* облететь весь мир. *Вещей* — никаких. Продовольствие?

— Раз мы полетим — *шоколад.* Летчикам полагается всегда шоколад,— воскликнул Юрка.

— Отлично! По плитке шоколаду каждому, — сказал инженер Гидролюбов. — Мы возьмем его по дороге в аэропорт. Итак: план готов, сборы окончены—идем!

Старая машина

— Куда вас *записать,* товарищи? — спросил, подходя к собеседникам, диспетчер аэропорта: по знаку на лацкане его куртки можно было понять, что это *диспетчер* дальних путешествий.

— Мы облетим весь свет... И с самой большой скоростью.

— Если угодно, вы можете лететь со скоростью света, т. е. 300 000 километров в секунду, — любезно предложил диспетчер.

— Хорошо! — согласился Гидролюбов.

— А нельзя ли несколько быстрее? — спросил Болотников.

— Быстрее нельзя. Это предельная, и, смею вас уверить, приличная скорость, — сказал диспетчер тоном старого продавца. — Возьмите эту скорость, это очень хорошая скорость, останетесь довольны! Придется дать вам самую старую из летательных машин. Машинка первобытная, но уж именно «что надо». Вот она! Выкатить из ангара «Фантазию»!

— Нельзя сказать, чтобы это было очень уютно для далекого пути! — проворчал Болотников, рассматривая запыленный, кое-где связанный веревочкой аппарат.

— Ничего! Ничего! Очень хорошо! — говорил Гидролюбов. — Всегда надо достигать наибольших результатов с наименьшими средствами. Кажется так, гм, гм! сказал великий Лагранж:—«Что-то всегда и всюду стремится к минимуму». Это великий закон, сказал бы я! Надо только управлять фантазией. А инженер тем и отличается от пустого мечтателя, что он управляет своей фантазией.

— А вы умеете управлять фантазией? Ну, будьте и пилотом, если так!

Гидролюбов смело оседлал «Фантазию», за ним сел Юрка, а сзади неуклюже примостился Болотников.

— К полету!

— Есть «к полету»!

И «Фантазия» взвилась с *ужасной* скоростью над Москвой...

На крыльях „Фантазии“

— Куда мы летим, дядя?—спросил Юрка.

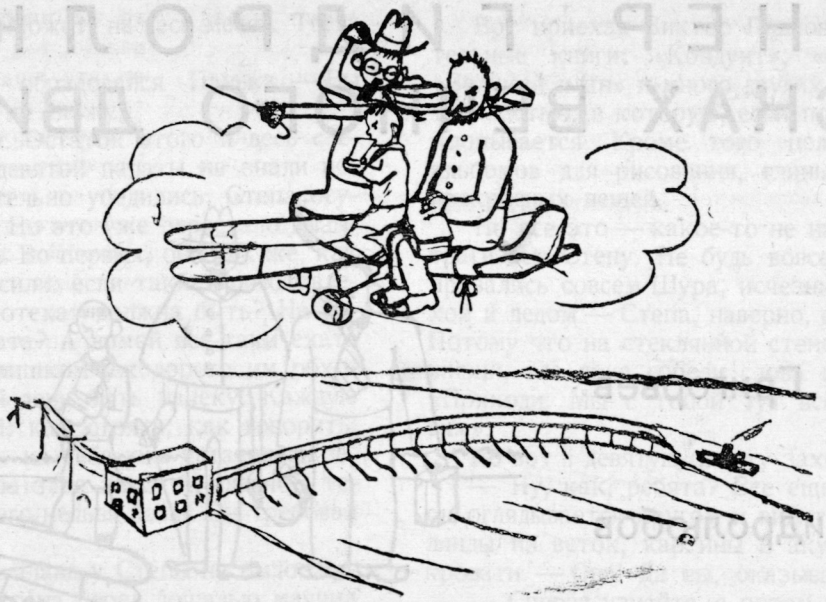
— Сейчас мы летим к Днепрогэсу. Вообще я хочу показать товарищу Болотникову несколько советских энергетических узлов...

— Я прекрасно знаю все и без вас! — огрызнулся изобретатель,— я не раз был на Днепрогэсе...

— Да,—ответил Гидролюбов, — но, как я заметил, у Никиты Яковлевича не хватает воображения. И я хочу вам показать этот энергоцентр с полета «Фантазии»...

— Вижу, вижу! — воскликнул Юрка. — Мы сядем в воду?

— Не сядьте в лужу! — проворчал Болотников.



Внизу весь Днепрогэс был виден как чертеж на ватманской бумаге.

— О, нет! Мы вообще не будем никуда садиться. Наша «Фантазия» проникнет всюду и мы на ней! Ведь у нас есть приборы для изменения всех масштабов. Вот не угодно ли?

Гидролюбов нажал какие-то педали, и Болотников с изумлением увидел, что они летят к знакомой ему гидроцентрали на Днепре с потрясающей быстротой.

Так бывает на мгновенье при очень больших скоростях движения: кажется, что предметы не движутся навстречу вам, а только вырастают, не двигаясь с места...

Но тут произошло совсем иное.

— Мы стоим на месте! — воскликнул Гидролюбов.

Это было несомненно. Однако рябь Кичкасского водоема, над которым реяла «Фантазия», увеличивалась, волны росли, грозно закручивая гребни, и рушились словно в океане. Серые столбы плотин стали выше чикагских небоскребов.

Повинуясь пилоту, «Фантазия» взлетела выше небоскребов. Юрка увидел перед собой гигантские ворота. Они были распахнуты. Каждая створка ворот застеклена одним стеклом как витрина магазина...

Машина влетела в раскрытые ворота, и Юрка понял, что это были не ворота, а форточка в огромном окне магазина.

Маленькой мушкой «Фантазия» облетела ряд гигантских генераторов. Они громоподобно гудели, превращая энергию падения воды в электрический ток высокого напряжения.

«Фантазия» едва не запуталась ничтожной мухой в паутине проводов открытой повышающей подстанции на правом берегу, откуда шли высоковольтные магистрали, питая шахты, фабрики, заводы... Затем «Фантазия» взлетела снова в высь.

Гидролюбов остановил «Фантазию» на высоте примерно в 1000 метров над Днепрогэсом. Аппарат стоял на месте неподвижно, хотя веял порядочный ветер. Внизу весь Днепрогэс был виден как чертеж на ватманской бумаге...

Туристы любовались с высоты панорамой реки, закованной в бетон, — все трое с равным восхищением.

— Грандиозно! — воскликнул Болотников. И обратясь к Гидролюбову, язвительно прибавил: — И вы посмеете сказать, что тут что-нибудь стремится к минимуму... Миллиарды киловаттчасов электричества! Миллионы кубометров бетона! Грандиозный творческий порыв строительной энергии! Где же тут ваш знаменитый закон?!..

— Да именно,—ответил серьезно и спокойно Гидролюбов,—все здесь выражение закона наименьшего действия. Нашей стране надо было с наименьшими затратами (считая и время) решить задачу снабжения энергией промышленности. Вы не станете спорить, что под нами здесь одно из звеньев великолепного решения этой задачи. Днепр дает энергию по наименьшей возможной стоимости. Почему? Да потому, дорогой, что, строя Днепрогэс, мы стремились опять-таки к минимуму затрат... Мы избрали из всех возможных в данных условиях вариантов, *из всех* тот самый, который требовал от нас наименьшего изменения всей здешней местности...

— Однако же,—перебил Болотников, — киловаттчас днепровской энергии встает в копеечку!..

— Именно так: немного более копейки. Что ж из того?

— Ну, а мой «вечный двигатель» даст энергию совсем бесплатно! Совершенно даром! Надо только найти вечный источник.

— Хорошо! — согласился Гидролюбов. — Вы видите, что здесь энергия нам далась «не даром». А что вы скажете насчет ветра? Вот уж ветер-то дует *даром* совсем... Не хотите ль?

Обузданный ветер

Гидролюбов нажал и переставил рычажки «Фантазии», и она перенесла их одним дуновением от Днепра к Черному морю. Они реяли над плоскогорьем Крыма...

— Вот здесь мы видим одну из самых новейших и самых крупных ветросиловых установок Советского союза. Здесь работают ветродвигатели «Цаги».

С высоты полета, насколько хватал взор, виднелись на сквозных железных мачтах четырехкрылые пропеллеры ветряков «Цаги»; они вращались, обратясь фронтом к норд-осту.

Гидролюбов предложил как и на Днепре осмотреть вблизи лю-

бой из этих стандартных ветряков по 1000 киловатт каждый. Так же как и на Днепре, никого не беспокоя, воспользовались способностью «Фантазии» менять свои размеры, и наши исследователи осмотрели во всех подробностях ветросиловую установку. Об'яснения давал Гидролюбов.

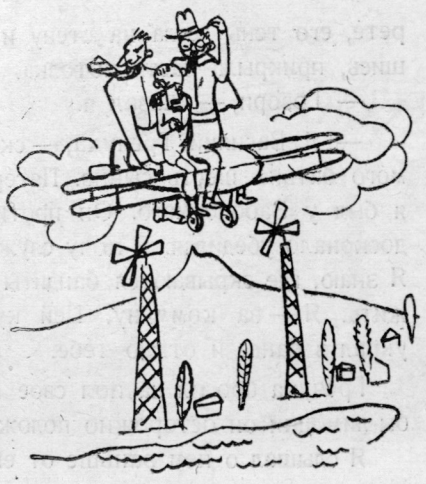
— Сила ветра непостоянна. Ветродвигатель «Цаги» удачно разрешает задачу — улавливать энергию как слабых, так и сильных ветров, сохраняя примерно одно и то же число оборотов. Это очень важно, так как ветродвигатель, вы видите, вращают генераторы электрического постоянного тока. Этим током заряжаются акумуляторы. Если ветер стихает, мы берем энергию от акумуляторов. Установка работает уже давно: она питает током все дороги Крыма, фабрики, освещает города и курорты. И не было случая, чтобы подача энергии прекратилась. Как видите, мы победили непостоянство ветра...

Гидролюбов весело блеснул очками.

— Что вы на это скажете, дорогой Никита Яковлевич?

— Скажу то же, что и говорил, —ответил Болотников. — Опять вам приходится делать очень много машин, возводить сооружения. Опять-таки энергия вам достается здесь не даром...

— Конечно, так! Но мы стремились, строя эту систему ветросиловых станций, к минимуму капитальных затрат на киловатт мощности и к наименьшим расходам по эксплоатации; поэтому же вы здесь не видите почти людей: станции работают автоматически!..



— Вот здесь мы видим ветросиловую установку, — давал об'яснение Гидролюбов

Палящее солнце и жгучий мороз

«Фантазия» неутомимо переносила исследователей из конца в конец земли. Они видели мощные энергостанции Донбасса, работающие на дешовом, отбросовом топливе, штыбе; новые гидроцентрали Поволжья и Сибири. Проносясь под пламенным солнцем Средней Азии, пассажиры «Фантазии» видели множество солнцесиловых установок: собранное в фокусах из металлических зеркал солнечное тепло применялось для нагрева небольших паровых котлов. Энергия пара использовалась в небольших паровых моторах для получения электрического тока и для приведения в движение станков мастерских. На крышах отдельных домов стояли небольшие солнечные кипятильники для домашних надобностей. В Сталинабаде пассажиры «Фантазии» посетили огромные народные бани с водой, согреваемой солнечными акумуляторами тепла.

Отсюда «Фантазия» перенесла Гидролюбова и его спутников на дальний север. Здесь, на берегу Полярного океана, они осмотрели крупную силовую установку для использования зимой тепла морской воды.

— Видите ли, — давал об'яснения Гидролюбов, — мы здесь используем разницу температур морской воды и зимнего воздуха. Подо льдом морская вода не замерзает и зимой сохраняет температуру около 0°, тогда как в воздухе температура падает иногда до 50—60° ниже нуля и больше; полгода здесь стоят морозы. Французы Клод и Бушеро предложили воспользоваться этим для получения энергии. Морская вода применяется как топливо: она нагревает в этих паровых котлах бутан—это газ, который легко обращается в жидкость при зимних морозах, а около 0° кипит и дает пар достаточной упругости для приведения в действие специальных паровых турбин низкого давления. Отработав в турбине, пар бутана поступает в холодильник, где и охлаждается. Все идет точно так же как и в турбинах, работающих водяным паром. Высокое напряжение с этой мощной пароцентрали подается на юг Сибири и питает железную дорогу и промышленность, восполняя зимой недобор энергии водяных станций на Оби и Енисее из-за недостатка движущей воды. Как видите, мы научились пользоваться даже незначительными разницами температур для получения энергии движения... Подчеркну, — с особым нажимом сказал Гидролюбов, — еще и еще, что энергией мы можем всегда воспользоваться, если есть разница в ее уровнях, в напряжении, например: разница в температурах, в уровнях воды, в напряжениях электричества и т. д. Особо надо поставить энергию движения потоков воздуха и воды, здесь мы имеем прямо материю в движении,— и человек научился ею пользоваться с давних пор,—поставив ветру на его пути парус и крыло ветрянки, а водному потоку—лодку и водяное колесо.

— Когда мы вернемся в Москву, я расскажу вам еще о некоторых изумительных источниках двигательной энергии. Вспомните тот прибор, что мы замуровали дома...

— Как? Наше путешествие уже окончилось? — удивился Юрка. — А мы хотели облететь весь свет. Я думал мы полетим в Америку, в Японию...

— В этом нет никакой нужды. В американской технике, да и нигде в свете мы не найдем, чего не было бы и у нас. Летим домой! В Москву!..

(окончание в следующем номере)

ШЕСТОЙ БРАТ

Я. Бельский

Рис. А. Брея

Недавно я получил странное письмо, подписанное «Ваш Вася». Почерк мне был незнаком. И кто этот Вася, я никак не мог догадаться. А между тем этот Вася писал, что он работает в родном селе Гольме, вблизи Балты, председателем правления колхоза и приглашает меня в гости на виноград.

И вдруг я вспомнил и Балту и любопытную историю моего знакомства с этим Васей.

В начале двадцатого года Балта была окружена кольцом банд. В Ласничевском и Барщанском лесах бродил Заболотный. В районе Кишевской дачи оперировали Яшка Малый и Стратиевский. За Крутыми шлялись небольшие банды Киршула и Гуляй Беды. Каждый день привозили крестьяне в Балту убитых партийцев и продработников, с вырезанными на груди звездами, густо посыпанными солью. Днем и ночью близко под городом бухали одиночные выстрелы.

Балта спала под ружьем. В городе, на главной улице, стояли полусгоревшие остовы домов — путевые столбы банды Тютюнника, прошедшего огнем и мечом через Балту.

Я жил на окраине, у старой учительницы. Она занимала две комнаты, выходившие окнами на улицу, а я одну,— в сторону сада и реки.

В ту ночь, о которой я хочу рассказать, я долго не мог заснуть несмотря на усталость.

При свете керосиновой лампы я перечитывал «Спартака» Джиованниоли.

Было уже очень поздно, когда я заснул.

Меня разбудил легкий стук в окно. В те годы я спал особенно чутко и просыпался от малейшего шороха. Через мгновенье я сидел на кровати, сжимая по привычке маузер.

В окне на синем квадрате неба чернел резкий силуэт огромного мужчины в папахе.

— Дозвольте до вас войти, — сказал он, мешая русские слова с украинскими.

— Кто ты такой? — закричал я. — Стрелять буду!

— Не треба стрелять. Дозвольте войти. Я все расскажу.

«Если б у него были злые намерения, — подумал я, — он мог бы спокойно пристрелить меня без всяких предупреждений, когда я спал».

— Заходи, — сказал я, — дверь открыта.

Через минуту в комнату ввалился огромный детина в бурке. Высокая папаха увеличивала и без того огромный его рост. От лампы, стоявшей на табурете, его тень легла на стену и, причудливо изогнувшись, прикрыла часть потолка.

— Говори, — сказал я.

— Я Василий Гречуха, — сказал мой гость. — У мого батька шесть сынив. Пятеро — партизаны, один я был у Заболотного. Он против бедняков, я в том досконало убедился. Я хочу служить в Красной армии. Я знаю, где скрываются бандиты и помогу их уничтожить. Я — за коммуну. Цей куцак и цю шаблю я украл в банде и отдаю тебе.

Гречуха бросил на пол свое вооружение. Две бомбы-лимонки он осторожно положил на стол.

Я слышал о нем раньше от его братьев.

— Хорош хлопець, — рассказывал его брат Микола, — вин буде с нами. Вин ще молодый та дурный. Вин прийде и буде бить бандитив. Побачите.

Пока я раздумывал, что мне с ним делать, Гречуха безмолвно стоял на пороге.

— Раздевайся, — сказал я, — и ложись туда, на диван. Под голову положи потник и спи. Завтра посмотрим...

Не говоря ни слова, Гречуха разделся и лег. Через минуту он сотрясал комнату богатырским храпом.

Это, пожалуй, был его самый спокойный сон за последнее время. Сама власть разрешила ему спать, и ему уже не надо было прислушиваться ни к каким шорохам.

А «власть», то есть я, думала, как быть: спать или нет? «Власть» отчаянно хотела спать и мучительно искала доводы в пользу сна.

«Если человек так здорово храпит,—значит у него нет злого умысла», — думал я. В моем утомленном мозгу вдруг промелькнул Спартак, поражающий легионеров, потом он наступил мне на грудь и, вероятно, я заснул, потому что больше ничего не помнил.

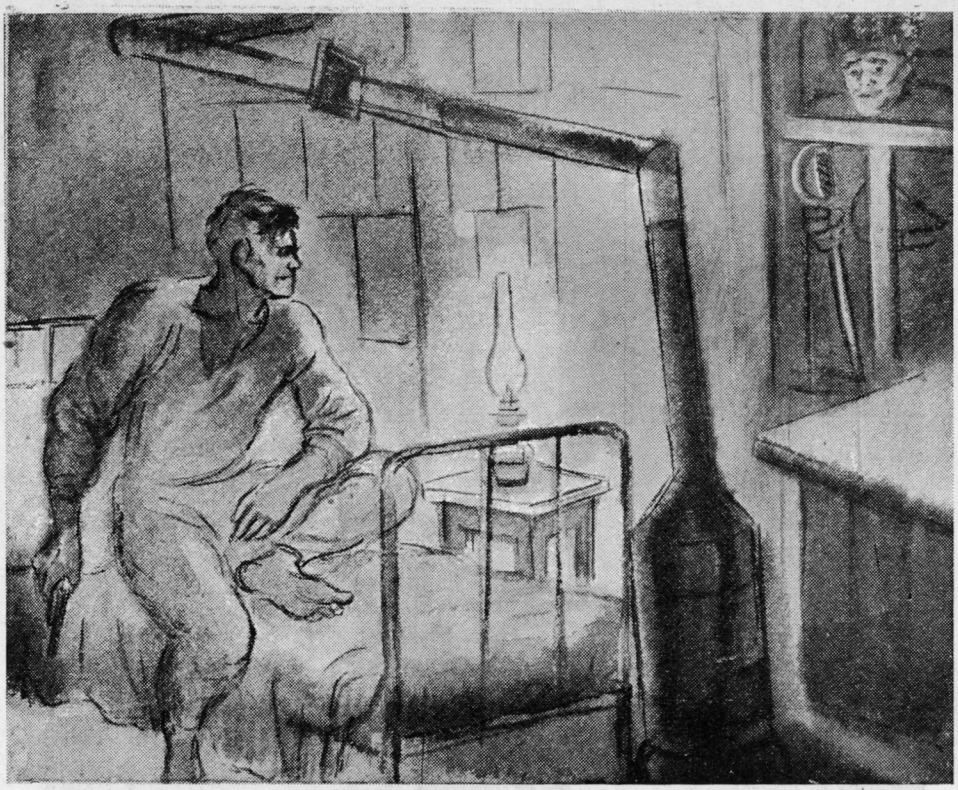
Проснувшись утром, я взглянул на диван. Он был пуст. Я улыбнулся, подумав, какие странные сны иногда видишь в Балте.

Но мой взгляд упал на пол. Там в живописном беспорядке валялось оружие Гречухи. Две бомбы лежали на столе. Значит все это было. Где же он?

В это мгновенье я услышал знакомый голос, доносившийся из сада:

— Наставляй, наставляй самовар, хозяйка, а то командир проснется, — говорил властным голосом Гречуха, — а чаю нема. Всыпит тоди нам обоим. Ты на мене не смотри, раз приказано. делать надо...

— Гречуха, — позвал я, — иди-ка сюда.



Меня разбудил легкий стук в окно.

Гречуха стоял на пороге, вытянув руки по швам.

— Чего ты там разоряешься?—спросил я,—неудобно. Она ведь не обязана.

— Та нельзя, товарищ командир, бабам волю давать. Вона ж совсем от рук отобьется. А як же без чаю? Без чаю ни як нельзя.

— Да ну его с чаем. Вот что с тобой-то делать, лучше посоветуй.

— А шо зо мной? — сказал Гречуха, не моргнув глазом. — Я всю ночь про це думал. Оставьте меня у себя кавалеристом. Вы ж бачите, що я всей душой за совецьку власть...

— А ты всегда так здорово храпишь, когда думаешь ночью?

— Та всегда, — лукаво улыбнулся Гречуха, — привычка такая.

— Ну ладно, только в другой раз думай днем, а то спать не даешь.

В первое время я не брал его с собой. Как-то, выезжая на банду, я сделал ему наставление.

— Хозяйку не обижай, и чтоб все было в порядке.

Когда я вернулся, Гречуха стоял у ворот в огромной бархатной малиновой буденновке и в таких же, невероятного размера, галифе. У меня сердце дрогнуло, когда я увидел его обмундирование. Уж очень знакомым мне показался этот малиновый цвет. Предчувствие меня не обмануло. Он безжалостно ободрал тот самый диван, на котором провел у меня первую ночь.

— Что это ты наделал? — сказал я.

— Та товарищ командир, воно ж только пылится летом, а пользы никакой...

— Вот отсидишь трое суток — и польза будет большая...

Расправа с диваном была последним проявлением бунтарского духа Гречухи.

Месяца два спустя мы как-то налетели под Обжилой на арьергард бандита Кошевого. Схватка была короткая, но жаркая. Бандиты крыли нас из пулемета, установленного на точанке, его надо было взять. Я вызвал охотников. Шесть братьев Гречух бросились в атаку. Василий скакал впереди всех.

Вечером я пришел в больницу, где лежал раненый Гречуха. Пять братьев сидели на табуретках у его постели.

— Помните, товарищ командир,— сказал старший, Микола, — я говорил, що Васька буде з нами...

Я долго смотрел на Ваську, в этот день впервые пролившего кровь за советскую власть.

— Ну, как ты себя чувствуешь?— спросил я.

— Та добре, товарищ командир,— он улыбнулся своими лучистыми глазами, — дуже добре. Теперь вже вся семья за одно. Ще взялы бы батька, та вин вже дуже старый...

— Старый,— подтвердил старший, Микола, и сокрушенно помотал головой...

Все это напомнило мне письмо из Гольмы.

Башня Эйфеля

45 лет назад инженер Эйфель выстроил из железных балок самую большую в мире башню. В ней было 300 метров высоты. Башня была украшением парижской выставки. Замечательное сооружение приезжали смотреть из всех стран.

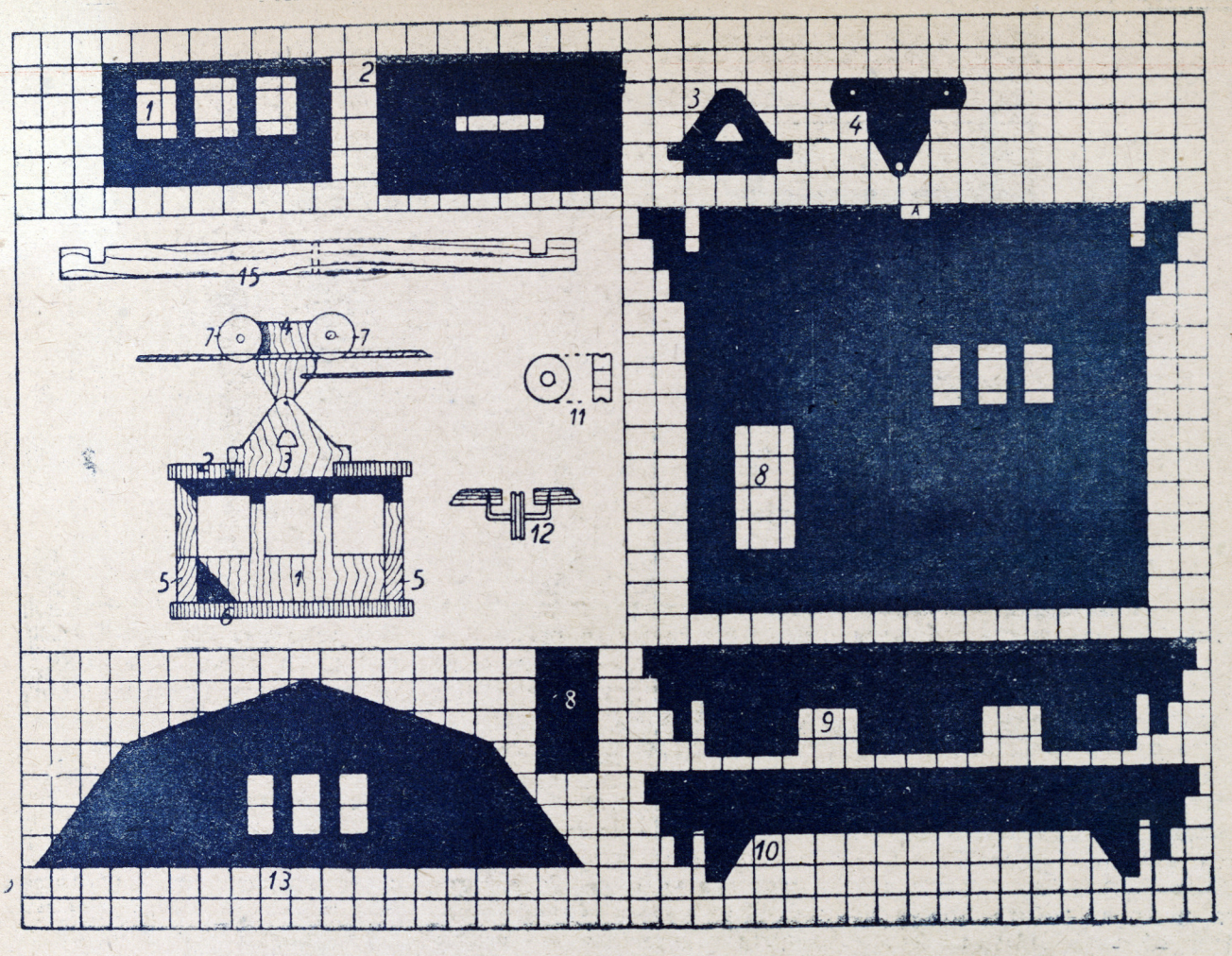
После выставки башня осталась бесполезным сооружением. только потом догадались устроить на одной из платформ башни астрономическую и метеорологическую обсерваторию и физический кабинет.

С развитием радио башня оказалась очень удобной для радиопередаточной станции. Эту станцию мы слышим в Москве.

Несколько лет подряд автомобильный король Ситроен арендовал эту башню и пускал на ней световые рекламы автомобилей.

В этом году на Эйфелевой башне установлен самый большой термометр в мире. Весь градусник занимает 160 метров. Расстояние между делениями — около 3 метров. Гигантская, освещенная красным светом шкала, начинается с 12° ниже нуля и кончается 33° выше нуля. Этот градусник показывает температуру воздуха всему Парижу.

Когда-то Эйфелева башня была самым высоким сооружением в мире. Теперь в Нью-Йорке некоторые небоскребы много выше ее. Строящийся Дворец советов будет в полтора раза выше Эйфелевой башни. Есть проект — построить в Париже новую башню в 2 тысячи метров высоты для противовоздушной обороны.



Чертеж вагонетки для подвесной железной дороги.

ПОСТРОИМ ПОДВЕСНУЮ ЖЕЛЕЗНУЮ ДОРОГУ

С. Б.

На фанере, которая очищена шкуркой, начертите сетку с сантиметровыми ячейками и по клеточкам переведите контуры с чертежа на доску. Теперь выпиливайте детали лобзиком.

Вагонетка состоит из 6 деталей. Фанеру для деталей 1; 2; 3; 4; 6 надо взять толщиной в 5 мм, а деталь 5 сделать из сантиметровой дощечки. Основание вагонетки (6) имеет размер 45 × 80 мм. Для вагонетки надо выточить два ролика (11), и еще таких же два ролика потребуется для станции. Шкивки-ролики свободно вращаются на гвоздиках в детали 4, которая связана осью-гвоздиком с деталью 3. На этом гвоздике и висит вагончик, чтобы сохранять горизонтальное положение при движении по наклонному канату. К детали 4 подвязывается тяговой трос.

Вагонеток надо сделать две.

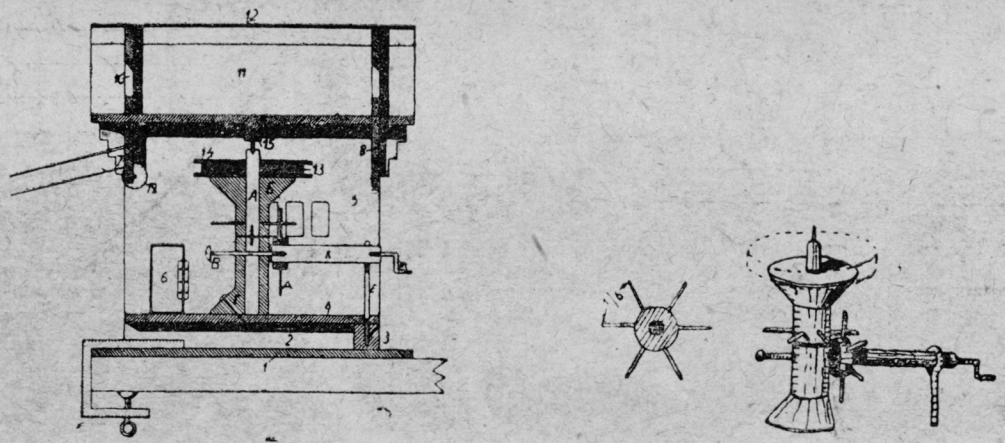
Станция собирается из деталей 8; 9; 10 и 12. Две боковые стенки и деталь 8 выпиливаются в двух экземплярах, так же и подковы крыши 13. Детали 8; 9 и 10 выпиливаются по одной.

Сборку проведите на доске 190×190 мм. На ней набейте в виде буквы «П» три планки сечением 15×15 мм и длиной: две—по 150 и одну—110 (поперечная) мм. На эти планки ляжет пол станции из фанерки 140×150 мм (деталь 4).

Теперь надо собрать стены. Деталь 9×10 своими пропилами входит в пропилы боковых стенок, и они прибиваются сбоку к деталям 2. К потолку (деталь 1, дощечка 190×190 мм) прибейте планку (15) с высверленным отверстием в середине и двумя пазами, которыми планка войдет в боковые стенки. Теперь на клею укрепите подкосы (13), на которые накладывается крыша из тонкого картона.

До окончательной сборки к детали 9 в прорезанные в ней окошечки вбейте скобки с роликами, как показано на детали 12. По этим роликам пройдет трос. Навесьте дверь (8) на петле из материи или на металлической, если найдется, как показано на рисунке.

Цена 25 коп.

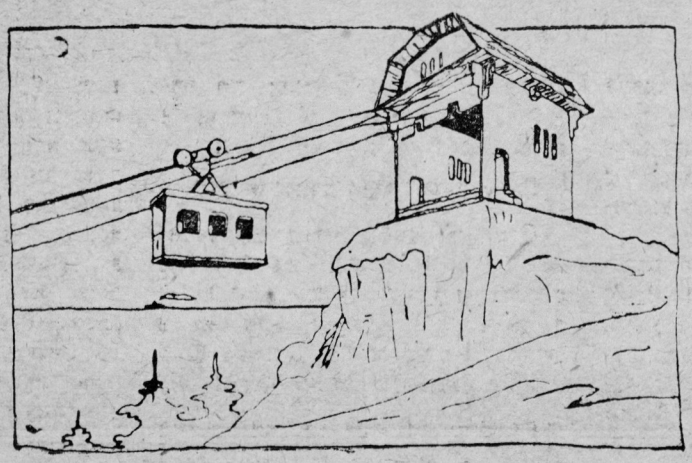


Механизм движения вагонетки.

Теперь займемся механизмом движения вагонетки. Внутри станции, в центре, установите распиленную пополам (Б и Г) большую катушку. Нижнюю часть плотно прибейте к полу и в нее вставьте втугую деревянный стерженек с торчащим обрезком гвоздя. На этом гвозде и на другом, в балке (15), свободно вращается верхняя часть катушки Б, на которую набито колесо из трех кружков (13): диаметром 60 мм из 5-мм фанеры и двух картонных по 70 мм. В верхней катушке вбейте по кругу шесть тонких гвоздиков. На валу К, который вращается на гвозде В и в железной петле Е, вбить тоже 6 гвоздиков. Когда вы вращаете за ручку И валик К, он задевает гвозди катушки и вращает ее.

Шнуры, на которых движется вагонетка, укрепляются в просверленные отверстия детали 9, прямо над шкивами. Другой конец обоих шнуров укрепите в конечном пункте. Тяговые шнуры у вагонеток в детали 4 перекиньте через шкивок 12 на большой шкив 13 и опять через другой шкивок 12 к другой вагонетке. При вращении катушки Б тяговый шнур, обмотанный на один оборот вокруг шкива 13, будет одну вагонетку опускать, другую подтягивать; при вращении в обратном направлении вагонетки переменяться местами.

Станцию следует укрепить на столе струбцинком, изображенным на рисунке, или винтами, тогда вагонетки будут подниматься с полу до уровня стола и обратно, перевозя грузы и пассажиров снизу вверх и обратно.



Модель подвесной железной дороги.

Отв. редактор Б. ИВАНТЕР Худ. редактор М. АСЛИНАЗИ Издатель: Издательство ЦК ВКП(б) „Правда"

Сдан в набор 11/IX—34 г., подписан к печати 15 X—34 г. Изд. № 997. Формат 1 1/2 62×94 см. 1 1/2 б. л. 135.009 п. зн. в бум. л.

Уполномоченный Главлита № В—94822 Типография газеты „Правда" им. Сталина, Москва, ул. „Правды", 8. Заказ № 239 Тираж 50.000